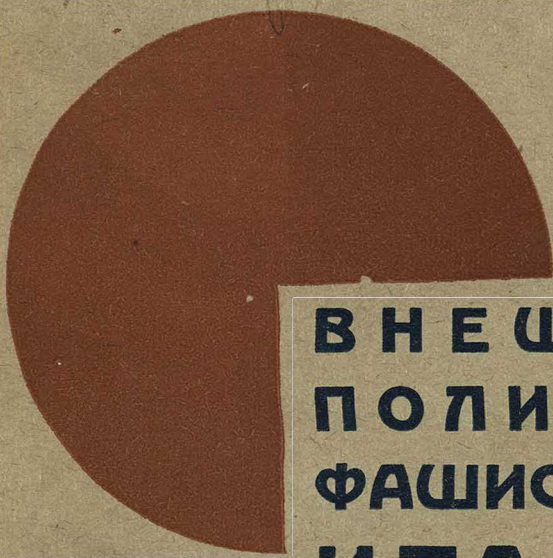

30 коп.

П. АНДРОВСКИЙ

С 88
Д 954

**ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
ФАШИСТСКОЙ
ИТАЛИИ**

О Г И З — 1931
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

П. АНДРОВСКИЙ

988
257

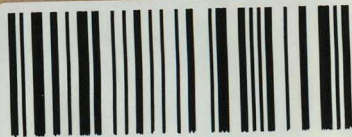

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
ФАШИСТСКОЙ
ИТАЛИИ

ОГИЗ — «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1931 — МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

2011097259

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Очерк экономики Италии в связи с характеристикой итальянского империализма	5
Положение промышленности, проблемы сырья, рынков и расчетный баланс	6
Проблема перенаселения и эмиграции	11
Глава II. Специфические особенности итальянского империализма	16
Итальянские колонии	21
Глава III. Восемь лет внешней политики фашистской Италии	26
Общий обзор. Флуме, Чехо-Словакия, Англия, Югославия, Болгария, Греция, Венгрия, Румыния, Австрия, Албания, Германия, Ватикан, СССР	
Глава IV. Итало-французские противоречия	60
Тунис. Границы Ливии. Балканский вопрос. Проблема морского паритета	
Заключение	79

Редактор Ю. Бочаров; техредактор Вас. Макаров.

Сдана в производство 30/XI — 1930 г. Подписана к печати 16/II 1931 г. Выход в свет — март 1931 г.

Мособлит № 4070.

ОГИЗ № 43922 А—19.

Тираж 10.000.

Тип. изд-ва «Дер Эмес», Москва, Покровка, 9.

ВВЕДЕНИЕ

Деятели итальянского фашизма охотно называют переворот 1922 г., приведший их к власти, революцией. В своей известной речи в парламенте 16 ноября 1922 г. Муссолини называет этот фашистский переворот «революцией чернорубашечников». С тех пор такое определение переворота 1922 г. прочно укрепилось и получило широкое распространение в фашистской публицистике. В речи, произнесенной Муссолини в 1928 г. в римском Колизее перед делегацией миланских рабочих, последний говорит о «фашистской революции», о том, что она беспощадно сметет с пути все «контрреволюционные» элементы, которые осмелятся вступить с ней в борьбу. Эта псевдореволюционная терминология, к которой фашисты особенно охотно прибегают в своих обращениях к рабочим или мелкобуржуазной аудитории, отражает стремление фашистов убедить широкие слои населения, что фашистский режим представляет собой какое-то «новое слово», совершенно новую форму государственного устройства.

В действительности фашистский режим представляет лишь наиболее откровенную и наиболее жестокую форму диктатуры буржуазии. Новое в фашизме заключается лишь в том, что фашисты, особенно до прихода к власти и в первые годы после переворота, при помощи демагогической фразеологии дурачили массы мелкой буржуазии и некоторые отсталые элементы рабочего класса.

Империалистические устремления в политике Италии тоже не являются чем-то новым. Колониальные аппетиты и борьба за укрепление своего влияния в бассейне Средиземного моря уже в 70—80-х годах прошлого столетия дают направление итальянской политике. Самое вступление Италии в империалистическую войну в 1915 г. было продиктовано мотивами чисто империалистического порядка. Установка фашизма в области внешней политики отличается лишь большей откровенностью и большей обнаженностью своего империалистического содержания и большей крикливостью в провозглашении своих требований о предоставлении Италии

«места под солнцем» и т. п. Основные линии внешней политики всякого государства определяются его классовой структурой и экономическими ресурсами. Фашистская Италия не отличается существенно от Италии довоенной. Все сколько-нибудь значительные проблемы политики Италии продолжают ставиться ныне так же, как и в дофашистской Италии.

Необходимо однако иметь в виду, что некоторые изменения имели место в результате мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Крушение Австро-Венгрии, с одной стороны, значительный рост ряда отраслей итальянской промышленности, выросшей на военных заказах (металлургия, автомобильная, судостроение)—с другой, наконец, вызванный войной значительный приток иностранных капиталов в виде военных займов, — все это обусловило некоторые изменения в международном положении Италии и отразилось на характере ее внешней политики. Эти изменения являются, однако, результатом фактов, имевших место до фашистского переворота, и следовательно не связаны с установлением в Италии фашистского режима.

Можно с уверенностью сказать, что фашистское правительство придерживается в основном в своей внешней политике той же линии, которой придерживалось бы на его месте любое буржуазно-демократическое правительство.

Чтобы уяснить себе международное положение Италии, мы должны ознакомиться предварительно с основными ресурсами страны, с ее внутренним и внешним экономическим положением и с социально-политической структурой.

На арене международной политики, характеризующейся в переживаемое нами время колоссальным обострением противоречий между отдельными империалистическими государствами, Италия занимает немаловажное и своеобразное положение. Неудовлетворенность результатами войны, не давшими Италии ожидаемых плодов, тяжелый и длительный кризис народного хозяйства, испытывающего острую нужду во внешних рынках для сбыта, ставят Италию в ряд тех стран, которые от будущей войны ждут исправления нанесенных в Версале при дележе добычи «обид» и новых территориальных завоеваний. Существующий в Италии режим суровой диктатуры облегчает дело милитаризации страны и увеличивает шансы военной авантюры. Фашистская Италия является одним из важнейших очагов будущей войны, и именно поэтому ее внешняя политика и факторы, ее определяющие, заслуживают нашего пристального интереса и изучения.

ГЛАВА I

ОЧЕРК ЭКОНОМИКИ ИТАЛИИ В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Италия значительно позже других крупных европейских государств встала на путь капиталистического развития. Лишь к концу XIX в. в Италии начинает развиваться крупная промышленность. В начале XX в. это развитие идет быстро вперед. Чем же объясняется это бурное развитие итальянской промышленности? Оно объясняется тем, что в Италию устремляется иностранный капитал, и страна все более втягивается в мировой хозяйственный оборот. Притекавший в Италию иностранный капитал был преимущественно капиталом германским. Укреплению позиций германского капитала в Италии благоприятствовало вступление последней в 1882 г. в тройственный союз с Германией и Австрией. Крупнейший итальянский банк (Коммерческий банк Италии) до 1915 г. находился почти всецело в руках германского банковского капитала.

Нужно сказать, что естественные ресурсы страны мало благоприятны для создания в ней солидной сырьевой базы — основной предпосылки крупного индустриального развития. Италия чрезвычайно бедна всеми видами промышленного сырья и топлива. Ей приходится импортировать железную руду, уголь, нефть, лес, предметы продовольствия, как пшеницу, мясо и пр.

И быстро развивающаяся итальянская промышленность представляет собой преимущественно промышленность обрабатывающую. Иностранный капитал шел в Италию не для использования богатых естественных ресурсов, а для эксплуатации единственного богатства, которое Италия могла предложить в изобилии, — дешевой рабочей силы.

Таким образом развитие итальянской промышленности теснейшим образом связано одновременно и с притоком иностранного капитала и с использованием иностранного сырья. Это налагает на хозяйство Италии определенную печать зависимости от иностранного капитала и неизбежно отражается на ее международном положении. Экономическая зависимость Италии от передовых индустриальных стран мира не ограничивается лишь областью промышленности. Она значительно глубже и многообразнее, поэтому нужно рассмотреть основные и наиболее характерные проблемы экономики Италии, поскольку ими в значительной мере определяются руководящие линии, главные устремления внешней политики современной Италии.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПРОБЛЕМЫ СЫРЬЯ И РЫНКОВ И РАСЧЕТНЫЙ БАЛАНС

Мы уже упомянули выше о своеобразных условиях развития итальянской промышленности, обусловленных в первую очередь незначительностью сырьевых ресурсов страны. Итальянская промышленность находится в тесной зависимости от иностранного сырья и топлива. Необходимость ввоза значительных количеств того и другого конечно содействует удорожанию издержек производства. Например благодаря значительной отдаленности итальянских портов от источников топлива, потребляемого итальянской промышленностью, последняя приобретает уголь и нефть по цене (включая стоимость фрахта) на 50% выше той, которая существует в странах Северной и Западной Европы. Между тем ввоз угля в Италию составляет около 12 млн. т в год. Общая стоимость ввозимого сырья в 1922—1924 гг. составляла в среднем около 7 млрд. лир.

Результатом такого положения вещей является хронический для Италии дефицит торгового баланса. Так в 1922—1924 гг. стоимость всего импорта составила 17,5 млрд. лир, а стоимость экспорта — всего 11,5 млрд. В последующие годы пассивность торгового баланса не только не уменьшается, но даже обнаруживает тенденцию к дальнейшему росту, превысив в 1928 г. 7,5 млрд. лир.

Бросается в глаза пассивность торгового баланса Италии со всеми приведенными в таблице странами за исключением Швейцарии, представляющей удобный и емкий рынок для текстиля и сельскохозяйственных продуктов Италии (вина, свежие и сушеные фрукты и т. п.).

ВАЖНЕЙШИЕ СТРАНЫ ВВОЗА И ВЫВОЗА ИЗ ИТАЛИИ В 1929 г.
(в миллионах лир) ¹

	Ввоз в Италию	Вывоз из Италии
САСШ	3 560	1 714
Германия	2 675	1 776
Франция	2 045	1 303
Великобритания	2 040	1 460
Аргентина	1 510	982
Британская Индия	1 160	425
Канада	700	63
Югославия	638	267
Швейцария	550	1 054

Пассивность торгового баланса Италии вызывается не только значительным вывозом промышленного сырья, но еще и необходимостью импорта предметов продовольствия, главным образом пшеницы и мяса. В 1922—1924 гг. средний ежегодный ввоз продовольствия составлял 5 млрд. лир. Будучи страной аграрной по преимуществу, Италия в то же время не в состоянии прокормиться собственным хлебом.

В последние годы до войны доход от иностранных туристов составлял в среднем около полумиллиарда лир. Доходы пароходных компаний за иностранные фрахты и разные другие доходы составляли больше 300 млн. лир. Большое значение для расчетного баланса имели поступления от итальянских эмигрантов, переводивших деньги своим родственникам в Италию. Эти поступления от эмигрантов до войны составляли, в круглых цифрах, около полумиллиарда лир.

Однако и до войны, когда доходы от туризма и поступления от эмигрантов достигли столь значительных размеров, этого было не всегда достаточно для сведения расчетного баланса, который часто оставался пассивным. Результатом этого был постоянный рост внешней задолженности, что, в свою очередь,

¹ Довосенная лира равнялась французскому франку (37 коп.). В настоящее время лира равна приблизительно 10 коп.

вызывая расходы на погашение займов и уплату процентов, ложилось новым бременем на расчетный баланс страны.

После войны положение еще ухудшилось. За годы войны сильно выросла внешняя задолженность Италии вследствие крупных займов на военные нужды, заключенных в Англии и в Америке. С другой стороны, доходы от туризма уменьшились, поскольку после войны сократилось число туристов, посещающих Италию. Значительно сократились поступления от эмигрантов в связи с сокращением количества их и изменением направления и характера эмиграции (прежде главная масса поступлений исходила от эмигрантов, проживающих в Америке и устроившихся там на продолжительное время).

Фашистское правительство пыталось найти выход из затруднений в регулировании импорта и экспорта. Был принят ряд мер, направленных к сокращению ввоза и поощрению вывоза. Эти меры однако не дали никаких положительных результатов. Наоборот, как мы уже видели, за последние годы дефицит внешней торговли обнаруживает тенденцию к дальнейшему росту.

С проблемой экспорта дело обстоит весьма неблагоприятно. Сильно развившаяся в Италии за годы войны автомобильная промышленность не в состоянии конкурировать на иностранных рынках с дешевой массовой продукцией Америки и Франции. Между тем развитие итальянской автомобильной промышленности значительно превышает потребности внутреннего рынка. В результате автомобильные заводы в Италии переживают глубокую депрессию и работают с менее чем половинной нагрузкой. Неважно обстоит дело и с экспортом шелка и в особенности текстиля, развитие которого наталкивается на протекционистские таможенные пошлины в странах импорта. Сбыт итальянских апельсинов и лимонов встречает затруднения, после того как проведенная фашистским правительством стабилизация лиры на искусственно высоком курсе (90 лир за фунт стерлингов) обусловила значительное повышение цен итальянских товаров в иностранной валюте.

Тяжелое положение торгового баланса не только не облегчалось, но еще усугублялось на фоне того определенного подъема, которым отмечено развитие итальянской промышленности в 1924—1927 гг. Значительный рост ряда отраслей промышленности, как автомобильная, судостроение, текстильная, химическая, производство искусственного шелка, выдвигает на первый план основное противоречие итальянской экономики — несоответствие между возросшей производственной

мощностью Италии и сокращающейся емкостью внешних рынков сбыта.

Наиболее «верным» средством повышения конкурентоспособности итальянской промышленности, с точки зрения экономической политики фашизма, является снижение заработной платы. История фашистского режима есть история неуклонного и значительного снижения заработной платы рабочих в промышленности и сельском хозяйстве. По данным Международного бюро труда при Лиге наций, реальная заработная плата итальянского рабочего почти в пять раз меньше, чем у американского рабочего. Эти данные относятся к 1925 г. После этого, в 1926—1927 гг., в связи со стабилизацией лиры фашистские синдикаты (профсоюзы) по указке правительства провели «добровольное» снижение зарплаты во всех производствах на 10%. Вообще в период с 1922 по 1928 г. зарплата рабочих в Италии подверглась снижению на 30—40%¹. По свидетельству Mc Guire уровень зарплаты итальянского рабочего так низок, что дальнейшее снижение было бы невозможно без ущерба для его трудоспособности². Из 17 стран, о которых имеются данные в Женевском бюро труда, ни в одной, за исключением Португалии, нет такого низкого уровня зарплаты, как в Италии, которая отстает даже от Испании и Польши.

Эта дикая эксплуатация рабочего класса превозносится фашистскими «синдикалистами» как необходимое условие создания «великой Италии». Конечно, единственным выходом из всех затруднений считается территориальная экспансия, приобретение колоний. Фашистская пресса с пеной у рта доказывает «жизненную» необходимость колоний для «нормального» развития итальянской промышленности, которая должна быть обеспечена своими источниками металла, угля, хлопка, фосфоритов и пр.

Итак проблема сырья, как и проблема экспорта, в политической доктрине фашизма роковым образом упирается в колониальную проблему, приобретает резко империалистическое заострение.

Вопрос о снабжении сырьем имеет для Италии еще и другую сторону. Если в мирное время этот вопрос являлся крайне болезненным для экономики страны, то во время вой-

¹ См. речь т. Эрколи на X пленуме ИККИ, «Правда» от 10 августа 1929 г.

² Mc Guire, Italy's international economic position стр. 534—535.

ны отсутствие достаточной сырьевой базы становится ее наиболее уязвимым местом и способно совершенно парализовать всю ее военную машину. А между тем все помыслы фашистских политиков имеют установку на неизбежность новой войны. В одной из своих многочисленных речей в 1926 г. Муссолини даже предсказал, что новая великая война вспыхнет не позже 1934 г. У «вождя» конечно еще свежи в памяти воспоминания о том исключительно тяжелом положении, в котором очутилась Италия во время недавней империалистической войны, о том, с какими огромными трудностями проходила мобилизация итальянской промышленности вследствие расстроившейся доставки топлива и сырья из-за границы.

Импорт угля, составлявший до войны в среднем около 10 млн. т, в 1917 г., в результате блокады германских и австрийских подводных лодок, упал до 5 млн., причем английский уголь приходилось выгружать во французских портах и оттуда направлять в Италию по железной дороге. Не лучше обстояло дело с жидким горючим, огромные количества которого приходилось ввозить для обслуживания автомобильного парка и авиации. Только к самому концу войны военная промышленность Италии достигла таких размеров продукции, которые соответствовали потребностям итальянской армии в оружии и амуниции¹.

Глубочайшая зависимость народного хозяйства Италии от внешнего мира, от капиталистических гигантов, захвативших все крупные источники промышленного сырья, неизбежно накладывает свою печать и на всю ее внешнюю политику. Империалистические аппетиты итальянского фашизма наталкиваются на скудость ресурсов страны и техническую и организационную отсталость ее народного хозяйства. В этом «трагическое» противоречие итальянского империализма.

Географическое положение Италии с исключительно растянутой морской границей делает ее легко уязвимой для нападений с моря, для десантных операций и подвергает опасности полного паралича в случае блокады. Отсюда необходимость искать поддержки великой морской державы, которая могла бы осуществлять свой «контроль» в Средиземном море и в случае войны защитить Италию от вражеского флота. Такой державой, совершенно очевидно, является Великобритания, «контролирующая» доступ в Средиземное море через Суец и Гиб-

---

¹ См. O. Welsch. Italiens Rohstoff-Dispositionen für den nächsten Krieg, «Geopolitik» № 1, 2, 1929 г.

ралтар и владеющая мощной морской базой на Мальте. Вряд ли можно сомневаться в том, что в ближайшей империалистической войне Италия, как и в 1915 г., будет воевать на стороне Англии.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

С давних пор проблема эмиграции является одной из актуальнейших проблем итальянской экономики. Хозяйство Италии, несмотря на тот процесс индустриализации, который мы наблюдаем с начала этого столетия, в основном носит аграрный характер.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ ИТАЛИИ ПО ПРОФЕССИЯМ (В ТЫС. ЧЕЛОВЕК) ¹

Сельское хозяйство	9 100
Промышленность	4 400
Торговля и транспорт	1 500
Прислуга и поденные работники	540
Свободные профессии и служащие в государственных и общественных учреждениях	580
Военнослужащие	250
Лица, занятия коих не указаны	32

Больше половины взрослого населения занято в сельском хозяйстве и лишь одна четвертая в промышленности. Вследствие ограниченности площади земли, годной для обработки, с одной стороны, и вследствие того, что значительные владения до сих пор находятся в руках крупных землевладельцев, Италия хронически страдает от аграрного перенаселения. Почва Италии не может прокормить всего населения. В настоящее время население Италии достигло внушительной цифры в 42 млн., превысив таким образом численность насе-

¹ См. В. л. Войтинский, *Весь мир в цифрах*, 1925 г., кн. 2, стр. 43. Приведенные цифры взяты из итогов переписи 1911 г., когда общая численность населения Италии составляла 34,5 млн., из коих на самостоятельное население приходилось 16,5 млн.

Численность населения с тех пор выросла на 22%, но в отношении распределения по занятиям существенных изменений за истекший период не произошло.

ления Франции. При этом средний годовой прирост населения составляет 400 тыс.

До войны вопрос разрешался сравнительно просто. Каждый год из итальянских портов отправлялись сотни и тысячи пароходов, нагруженных доотказа итальянскими эмигрантами, отправляющимися в одиночку или с семьями за море в поисках заработка. Число эмигрантов с каждым годом быстро возрастало и достигло в 1913 г. рекордной цифры в 900 тыс. За пятилетие 1910—1914 гг. из Италии эмигрировало 3 249 тыс. человек.

По числу эмигрантов Италия занимала первое место среди государств всего мира. Число итальянцев, проживающих вне Италии, в настоящее время составляет около 10 млн. Большая часть итальянской эмиграции направлялась в Америку, преимущественно в САСШ; Южная Америка привлекала главным образом сельскохозяйственную эмиграцию.

Империалистическая война и ее последствия резко отразились на проблеме итальянской эмиграции. Во время войны поток эмиграции естественно был сведен к минимуму. За четыре года войны число эмигрантов составило всего 363 тыс., а по окончании войны эмиграция уже не могла принимать размеров довоенных, — Северная Америка ввела жесткое ограничение для иммигрантов из Европы, причем для Италии была установлена весьма незначительная «квота» (норма). Фактически в Северную Америку был закрыт доступ итальянской эмиграции. Страны Южной Америки, в частности Аргентина и Бразилия, тоже ввели определенные ограничения, значительно сократившие итальянскую эмиграцию. Все это чрезвычайно заостряло проблему перенаселения.

Что сделало при этих условиях фашистское правительство для разрешения эмиграционной проблемы? Казалось бы, что оно со всей присущей ему настойчивостью и шумихой должно было добиваться облегчения препятствий для выхода из Италии «избыточного населения». Между тем фашистские политики заняли в этом вопросе прямо противоположную позицию. Фашистское правительство принимает целый ряд мер административного характера, направленных к ограничению эмиграции. Фашистские власти наблюдают за тем, чтобы уезжающие за границу граждане представляли гарантию того, что они сохранят связь с отечеством, что и за границей они будут поддерживать связь с фашистской партией, которая имеет свои ячейки и вне пределов Италии. Таким образом за границу отпускаются, как правило, лишь элементы политически

благонадежные с точки зрения фашизма. Но этим дело не ограничивается. Линия фашистского правительства в эмиграционном вопросе заключается в том, чтобы по возможности сократить эмиграцию и свести ее к минимуму. Правительство не только не намерено искать выхода для избыточного населения в эмиграции, но, наоборот, в постоянном и быстром приросте народонаселения Италии видит в высокой степени положительный фактор, «основу мощи империи». С точки зрения империалистических перспектив фашизма это колоссально растущее народонаселение является веским и неопровержимым аргументом, обосновывающим колониальные притязания Италии. Италии нужны, заявляют фашистские публицисты, свои колонии, которые могли бы дать приложение избыточному труду. Это быстро растущее народонаселение обеспечивает также внушительные резервы пушечного мяса, которое можно будет бросить в чашу весов будущей войны, той войны, от которой фашисты ждут осуществления своих империалистических «идеалов». И наконец рост народонаселения способствует образованию огромной резервной армии безработных и дает возможность итальянским промышленникам держать на низком уровне заработную плату. А дешевая рабочая сила является для Италии — при ее технической отсталости по сравнению с передовыми индустриальными странами — главной основой ее конкурентоспособности и главной приманкой для иностранного капитала.

В последнее время большая часть итальянской эмиграции направлялась во Францию. Если в последние пять лет до великой войны число итальянцев, эмигрировавших во Францию, составляло в среднем 67 тыс., то после войны это число быстро возрастает главным образом в связи с большим спросом на рабочую силу в восстанавливаемых областях, служивших театром военных действий. В 1922 г. около 100 тыс. итальянцев эмигрировало во Францию. В следующем году это число достигло 183 тыс., в 1924 г. — 230 тыс., а в 1925 г. оно превысило 300 тыс. К концу 1925 г. во Франции насчитывали свыше 800 тыс. итальянских граждан.

С 1925 г. в связи с окончанием восстановительных работ волна эмиграции во Францию резко снижается. Одновременно изменяется и самый характер эмиграции. Если до того главная масса эмигрантов состояла из рабочих, отправляющихся временно на заработки, то в последние годы поток эмиграции составляется преимущественно из крестьян северной и сред-

ней Италии, переезжающих во Францию целыми семьями и там обосновывающихся в качестве арендаторов земли в южных и юго-западных департаментах. Массовое заселение этих районов итальянцами (в некоторых департаментах итальянцы составляют от 20 до 25% всего местного населения) сказалось даже в определенных изменениях сельскохозяйственной экономики этих районов; так например там наблюдается значительное распространение итальянских методов культуры шелковичного червя. Французские националисты бьют тревогу по поводу этой своеобразной «колонизации» Франции итальянцами, указывая на опасности, вытекающие из этого факта в случае войны с Италией.

Вопрос об итальянских поселенцах во Франции занимает не последнее место в ряде проблем франко-итальянских взаимоотношений. Французские власти всячески стремятся ускорить переход поселенцев во французское гражданство, чтобы таким образом окончательно оборвать связь между ними и их родиной. Со стороны Италии это стремление естественно встречает сопротивление и протесты, выражающиеся в частности в агитации, которую ведут среди поселенцев итальянские консулы и специальные фашистские эмиссары, посылаемые фашистской партией для образования за границей фашистских организаций. Эта работа фашистских эмиссаров вызывает еще большее беспокойство французских властей и содействует еще большему обострению вопроса о поселенцах.

Особенно остро стоит вопрос в одной из богатейших французских колоний в северной Африке — Тунисе. Тунис, благодаря близости к Южной Италии, издавна является выходом для эмигрантов из Сицилии, Калабрии и других южных провинций Италии. Итальянское население Туниса в настоящее время значительно превосходит численностью французское. По переписи 1927 г. там насчитывалось 89 тыс. итальянцев и только 71 тыс. французов¹. Эти данные официальной французской статистики оспариваются итальянцами, утверждающими, что число итальянцев в Тунисе превышает 130 тыс.

Так или иначе, значительное число итальянцев, проживающих в Тунисе, является предметом серьезных забот для французского правительства. Плодородный и сравнительно густо населенный Тунис представляет предмет страстных вожделений итальянского империализма. В Италии Тунис называют «итальянской колонией, управляемой французами».

¹ См. W. L. Middleton, France, Italy and Tunisia, «Fornightly Review» март, 1928 г., стр. 306, 310.

Чтобы упрочить свое положение в Тунисе, Франция проводит здесь с еще большей энергией и настойчивостью, чем в метрополии, политику натурализации. Эти меры натурализации проходят довольно успешно, особенно в последние годы, так как свирепствующий в Италии режим фашистского террора значительно содействует разрыву связей между Италией и итальянским населением Туниса.

Однако одной добровольной натурализации недостаточно для осуществления преследуемой Францией цели создания «однородного населения» в Тунисе. Поэтому вскоре после окончания мировой войны Франция денонсировала (аннулировала) конвенцию 1896 г., обеспечивающую за итальянцами сохранение их гражданства, а также право на содержание известного количества школ на итальянском языке. Аннулирование этой конвенции подвело бы итальянцев под действие общего закона, согласно которому дети иностранцев, родившихся в Тунисе, по достижении призывного возраста становятся автоматически французскими подданными.

Этот шаг Франции вызвал резкие протесты со стороны Италии, в результате чего Франция пошла на временный компромисс. Конвенция 1896 г. считается денонсированной, но она возобновляется путем специального соглашения на каждые три месяца. Италию такое крайнее неустойчивое положение чрезвычайно раздражает, и тунисский вопрос является одним из наиболее болезненных в достаточной степени напряженных франко-итальянских взаимоотношениях.

Эмиграционная политика фашистского правительства представляет собой яркую иллюстрацию империалистской установки, лежащей в основе внешней политики фашизма, ставящей себе целью территориальную экспансию, захват колоний и рассматривающей войну как лучший метод достижения этих целей («Италия должна расширяться иначе она взорвется») ¹. Проблема экспансии вводит нас непосредственно в гущу вопросов международных отношений Италии, а именно ее взаимоотношений с Францией.

¹ Мы не могли здесь заняться рассмотрением тех последствий, которые имеет для внутренней жизни фашистской Италии происходящее за последние годы резкое сокращение эмиграции. Вот что об этом говорит наблюдатель, относящийся сочувственно к фашизму: «Эмиграция ныне сведена к минимуму. К счастью, до сих пор (1926 г.) не было такой большой безработицы, которая бы могла осложнить проблему. Но достаточно какой-нибудь заминки в промышленности, для того чтобы кончилось то замечательное освобождение от борьбы между трудом и капиталом, которое характеризует промежуток с 1922 по 1926 г. Давление эмиграционной проблемы будет тогда ощущено во всей его мучительности (Mc Guire, Italy's international economic position, стр. 173).

ГЛАВА II

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В своей работе «Империализм как новейший этап капитализма» Ленин приводит слова Сесиль Родса, известного английского миллионера, исследователя южной и восточной Африки и главного виновника англо-бурской войны, сказанные им одному журналисту в 1895 г.: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: «хлеба, хлеба», я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма. Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и рудниках. Империя, я всегда говорил, это есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»¹.

Современные английские политики избегают так откровенно высказывать свои мысли, и свою захватническую политику предпочитают объяснять возвышенными соображениями вроде необходимости помочь отсталым народам выйти на путь «прогресса и правопорядка». Но в выступлениях идеологов итальянского фашизма есть очень много черт, напоминающих только что процитированное империалистическое «исповедание веры» Сесиль Родса. Мы находим там такую же и даже еще более откровенную проповедь империализма как единственной политики, дающей выход из всех испытываемых «итальянским народом» трудностей и обоснование законности империализма, «права» Италии на расширение, на приобретение колоний «для помещения избытка населения», для со-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 297.

здания национальной сырьевой базы и пр. В одной из своих речей в 1923 г. Муссолини заявил: «Нас сорок миллионов, сжатых на этом тесном и очаровательном полуострове, где слишком много гор и где земля не может прокормить всех. Вокруг Италии находятся страны с меньшим населением и с территорией вдвое больше нашей... И потому понятно, что проблема итальянской экспансии есть проблема жизни или смерти для итальянской расы»¹. Еще раньше, в 1919 г., в «Пополо д'Италия» в статье, содержащей хвалебный гимн империализму, Муссолини заявлял, что «империализм есть вечный и неизменный закон жизни».

Один из видных идеологов фашизма, Марио Карли, в ряде статей в «Империо» развивает такие мысли: «Пора искоренить из умов идею, что империализм есть прерогатива немногих, аристократическая концепция, которая не может и не должна интересоваться трудовой народ... Больше чем богатые классы, больше чем интеллигенция бедные и темные массы заинтересованы в империализме, раз они стремятся к богатству; и они никогда не добьются этого, если они только не поймут необходимости экспансии за пределы этих границ, куда угодно и как угодно, мирными средствами или при помощи войны»².

В своих статьях Карли говорит о необходимости «популяризации» империализма, о необходимости широкой и интенсивной пропаганды, целью которой должно быть создание в широких массах «империалистического сознания». Сам Карли немало потрудился в этом направлении. Этой же пропаганде посвящена богатая литература по вопросам колониальной и другой экспансии Италии.

Италия не принадлежит к числу тех великих капиталистических держав, которые играют главные роли в мировой империалистической политике, и которые обычно имеют в виду когда говорят о современном империализме. И все же итальянский империализм есть несомненный факт. Дело в том, что несмотря на свою сравнительную отсталость и слабость, Италия активнейшим образом втянута в игру мировых противоречий империализма, и это неизбежно создает империалистическую ориентацию ее внешней политики. В эпоху, характеризующуюся как эпоха развернутого импе-

¹ La Nuova Politika dell Italia, m. 1, стр. 101.

² Цит. по Schneider, Making the Fascist State, New-York, 1928 г. стр. 283.

риализма, капиталистическая Италия в силу целого ряда объективных условий неизбежно толкается на путь империалистических авантюр.

Тяжелые и сложные противоречия внутреннего порядка толкают фашистскую Италию к попыткам искать выхода из положения в колониальных захватах, в войне, которая принесет осуществление мечты о «великой Италии». Это, прежде всего, все обостряющееся противоречие между быстро возросшими производственными возможностями итальянской промышленности и сократившимися возможностями сбыта, что повергает некоторые, наиболее развитые отрасли итальянской промышленности (автомобильную, судостроение, текстильную) в состояние хронического кризиса. Это, с другой стороны, прозное обострение классовых противоречий на почве своеобразной фашистской «рационализации», сводящейся почти исключительно к систематическому, в течение ряда лет снижению заработной платы и общему ухудшению положения рабочего класса во имя обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров. Наконец, в этом же направлении действует и основное внутреннее противоречие фашизма. Родившись как некое массовое движение, охватившее мелкую буржуазию и часть средней буржуазии, и победив при поддержке деклассированных элементов и отчасти деморализованных неудачей преданной реформистскими вождями революции 1919—1922 гг. отдельных групп наиболее отсталых пролетариев, — фашизм после «захвата власти» выявляет себя как орудие господства крупной буржуазии. Фашистский режим с каждым днем все более и более открыто становится режимом последовательной, без «демократических предрассудков» диктатуры крупного капитала. На этой почве происходит брожение в самих фашистских рядах, где еще не забыты мелкобуржуазные демагогические лозунги времен похода на Рим, направленные против монархии, против финансово-промышленной плутократии и т. п. Муссолини, правда, беспощадно и довольно успешно расправился с наиболее выдающимися представителями этой внутрипартийной оппозиции, но настроения недовольства и разочарования в фашистских «низах» этим не ликвидированы, а еще более усугублены. И тут фашизм прибегает к своему основному средству, выдвигая на первый план пропаганду войны и экспансии, которая должна объединить под одним «трехцветным» знаменем различные друг другу враждебные элементы, составляющие социальную базу фашизма.

Этим объясняется и своеобразная откровенность, утрированность империалистической пропаганды фашизма, — она предназначена, так сказать, для широкого употребления, для отвлечения внимания фашистских масс от наболевших внутренних вопросов, а также для того, чтобы поддерживать в партийных рядах состояние постоянного воинственного напряжения, готовность в любой момент выступить с оружием в руках для борьбы за «великие идеалы», за завоевание для Италии достойного «места под солнцем».

Второй характерной чертой фашистского империализма является явный контраст между столь настойчиво заявляемыми им притязаниями и теми средствами, которыми располагает современная Италия для осуществления этих притязаний. Для того чтобы с выгодой эксплуатировать колонии, недостаточно одного лишь «избыточного населения». Наоборот, опыт показывает, что число европейцев, переселяющихся в колонии, крайне незначительно и даже ничтожно по сравнению с численностью туземного населения. Из шестидесяти миллионов, населяющих колониальные владения Франции, лишь двести тысяч составляют французы из метрополии, главным образом военные, чиновники, купцы и крупные плантаторы, эксплуатирующие труд туземцев. Еще меньше число англичан, живущих в Индии и африканских колониях Великобритании. Колонии нужны империалистам не «для размещения избыточного населения», как об этом заявлял с «человеколюбивым» пафосом Сесиль Родс и как повторяют за ним идеологи молодого итальянского империализма, а как поле для применения «избыточного» капитала, который в колониях находит безграничную свободу рабовладельческой эксплуатации труда туземцев. Капитал устремляется в колонии прежде всего в поисках колониальной сверхприбыли и дешевого сырья. Поэтому эксплуатация колоний требует наличия крупных капиталов, не говоря уже о значительных расходах на военную оккупацию колоний и на поддержку в них «порядка», т. е. на подавление сопротивления туземного населения, не желающего мириться с господством европейских «цивилизаторов».

Между тем Италия, как мы уже видели, не принадлежит к числу стран, обладающих значительными избыточными капиталами, не находящими себе приложения внутри страны. Италия пока что не в состоянии мобилизовать внутри страны достаточных капиталов для эксплуатации хотя бы тех скромных колоний, которыми она сейчас владеет в Африке. Колонизация наиболее плодородной из них, Киренаики, тормс-

зится отсутствием средств для производства необходимых оросительных работ и т. п.

Недаром итальянский империализм был назван «нищим империализмом» и итальянские националисты, являющиеся главными носителями идеи колониальной экспансии, любят говорить о том, что Италия — «государство-пролетарий», которому противостоят богатые страны, государства плутократы.

Спрашивается, какими же способами собирается фашистский империализм решать те тяжелые финансовые проблемы, с которыми неизбежно будет связано завоевание Италией новых колоний? Откуда Италия почерпнет те крупные капиталы, без которых невозможно развернуть в большом масштабе капиталистическую эксплуатацию колоний?

Как правило, фашистская колониальная литература не дает ответа на этот вопрос. Здесь отчетливо находит свое выражение авантюристический характер колониальной политики итальянского фашизма. Напомним, что когда в 1912 г. Италия вступила в войну с Турцией с целью захватить Триполитанию, то даже значительная часть итальянской буржуазии отнеслась отрицательно к этой дорого стоившей затее. Между тем, хотя еще совсем свеж в памяти урок триполитанской авантюры, Италия сейчас больше чем когда-либо стремится к новым колониальным авантюрам. К этому ее роковым образом толкают «игра» противоречий между крупными империалистическими державами, в которую она втянута волей-неволей, и внутренние противоречия ее капиталистического развития, углубленные и колоссально обостренные режимом фашистской диктатуры.

С другой стороны, большое влияние на активизацию колониальной политики имеют паразитические элементы, которых в Италии, как и во всяком буржуазном обществе немало, военщина, чиновничьи круги, некоторые элементы интеллигенции, мечтающие о быстрой колониальной карьере, о новых военных и административных постах, связанных с особыми преимуществами, в частности с возможностью быстрой и легкой наживы за счет «усмирения», т. е. ограбления бесправного туземного населения.

Естественно, что фашистским политикам не приходится раздумывать о ресурсах для эксплуатации будущих колоний. Сперва надо захватить новые территории при помощи дипломатических комбинаций или силой оружия, а потом уже надо будет поискать капиталов. Некоторые фашистские

политики проговариваются о том, что, обладая хорошими рентабельными колониями, можно «под эти колонии» получить и соответствующий крупный заем. Несомненно, что в расчетах фашистских колониальных политиков надежда на возможность эксплуатации будущих колоний Италии при помощи иностранного (главным образом, англо-американского) капитала играет важную роль. По крайней мере на первых порах итальянский империализм готов удовлетворяться ролью приказчика первоклассных мировых империалистов.

Конечно этой ставкой на иностранный капитал вопрос не может быть исчерпан. Все же будут необходимы некоторые и притом довольно крупные «жертвы» со стороны отечественного капитала. Отсюда необходимость нового дополнительного нажима на заработную плату, новое усиление эксплуатации рабочего класса Италии.

Таким образом путь колониальной экспансии, на котором фашисты надеются найти разрешение болезненных внутренних противоречий, в действительности неизбежно приведет к еще большему обострению этих противоречий и в конечном счете к ускорению краха фашистской диктатуры.

ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ

Чтобы иметь ясное представление о ближайших перспективах развития итальянской политики, необходимо познакомиться в основных чертах с ролью и значением тех колоний, которыми Италия владеет в настоящее время, поскольку нынешние колониальные владения Италии в значительной мере предопределяют направление дальнейшей итальянской экспансии.

а) Старейшей из итальянских колоний является Эритрея, начало занятию которой было положено пароходчиком Рубаттино, поднявшим в 1885 г. итальянский флаг над Массауа, портом Красного моря. Итальянцы имели в виду превратить Массауа в угольную станцию для пароходов, направляющихся из Средиземного моря на Дальний Восток, подобно английскому Адену и французскому Джибути. Эритрея состоит из совершенно пустынной прибрежной части, где невозможно никакое земледелие, и из крутых скалистых подступов к Абиссинскому плоскогорью. В горной части Эритреи земледелие возможно лишь там, где имеется хотя и

крайне редко встречающаяся система орошения. Малочисленное население (на 120 тыс. кв. км—400 тыс. человек) занимается преимущественно скотоводством, продукты которого являются главным предметом вывоза. Весь вывоз в 1928 г. равнялся 94 млн. лир, составив меньше половины суммы вво-

за (196 млн. лир)¹. Итальянцы, проживающие в Эритрее, составляют 1% местного населения.

б) Еще более скромные данные можно привести о другой итальянской колонии — Сомалии. На 400 тыс. кв. км итальянской Сомалии приходится лишь 800 тыс. населения,

¹ Цифры взяты из официального итальянского сборника «Annuario Statistico Italiano», 1929, стр. 451 и след.

из которых итальянцев всего 600 человек. Вывоз, по содержанию аналогичный эритрейскому, составлял в 1928 г. 42 млн. лир, при ввозе в 134 млн. лир.

в) Триполитания и Киренаика, объединенные теперь под властью одного губернатора в единую колонию Ливию, представляют наиболее крупную и наиболее важную из колоний Италии. Однако и Ливия отнюдь не может быть причислена к богатым колониям. На площадь в 1 500 тыс. кв. км приходится меньше 800 тыс. населения, из них итальянцев около 30 тыс. Земледелие возможно лишь в прибрежной полосе, в редких оазисах. Далее, вглубь страны тянется безводная степь, где ведется лишь кочевое скотоводство. Степь переходит затем в пустыню. Вывоз из Ливии в 1928 г. составлял 53 млн. лир при ввозе в 517 млн.

Приведенных выше данных вполне достаточно, чтобы охарактеризовать всю незначительность итальянских колоний с экономической точки зрения. Италия не находит в своих колониях ни сколько-нибудь значительных источников сырья, ни сколько-нибудь емких рынков сбыта для изделий своей промышленности. Даже значительная часть ввоза в итальянские колонии идет не из Италии, а из близлежащих британских владений (Индия, Аден, Кения). Италия не только не извлекает из своих колоний экономических выгод, но эти колонии являются для метрополии источником значительных расходов. Дефицит, который колонии приносят Италии, выражается не только в ассигнованиях из государственной казны на покрытие расходов как обыкновенных, так и «чрезвычайных», по содержанию административного аппарата, охране и т. д. (этот расход равнялся в 1928 г. 650 млн. лир), но и в пассивности торгового баланса колоний. Это резкое превышение ввоза над вывозом следует отнести за счет колониального чиновничества, служащих и армии, которые являются главными потребителями ввозимых продуктов.

Точно так же ничтожно значение колоний как выхода для «избыточного» населения метрополии.

Что же побуждает Италию так дорожить своими колониями и продолжать тратить на них значительные средства?

Не малую роль здесь играют непосредственные интересы кадровой военщины и административного аппарата, для которых колонии представляют широкие возможности «продвижения по службе». Колонии, где постоянно вспыхивают восстания угнетаемого туземного населения, представляют с

точки зрения империалистов прекрасную «школу» военных действий, дают возможность приобретать боевой опыт и являются местом, где воспитываются колониальные администраторы для будущих колоний Италии.

Главная ценность нынешних колониальных владений Италии заключается, с точки зрения итальянского империализма, в их значении как плацдарма для дальнейшей колониальной экспансии. Надо иметь какие-то позиции в Африке, чтобы при первом удобном случае перейти в наступление и добиться расширения своих владений за счет соседей. Итальянские колонии в Африке являются плацдармом для будущего наступления Италии вглубь черного континента.

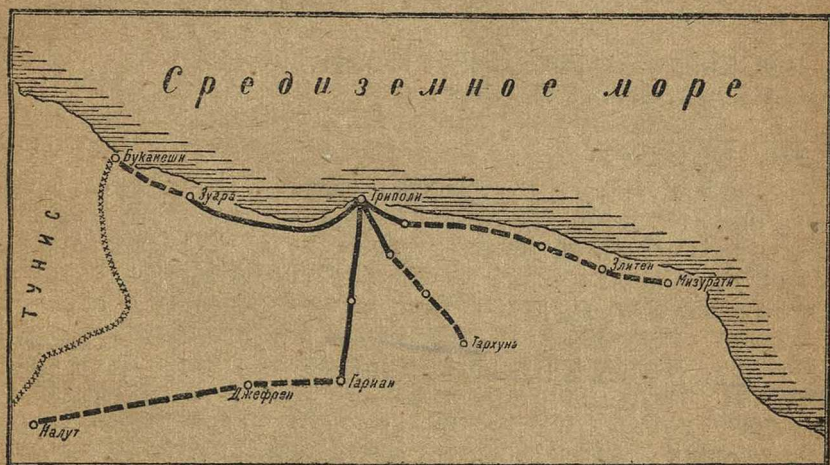
Это — чисто стратегическое — значение итальянских колоний особенно выступает наружу, если внимательно приглядеться к активности, которую Италия развивает в своих колониях за последнее время, в особенности в 1929—1930 гг. Итальянское командование, несмотря на значительные потери, с исключительной настойчивостью осуществляет план оккупации южных окраин Ливии, примыкающих к французским центрально-африканским владениям.

Еще более показательным в этом отношении является выработанный весной 1929 г. министерством колоний план железнодорожного строительства в колониях. Военно-стратегическая установка этого плана бросается в глаза. Близкая к итальянскому министерству иностранных дел газета «Джорнале д'Италия» посвящает этому плану большую статью (21 мая 1929 г.), в которой не скрывает, что железнодорожное строительство в итальянских Сомалии и Эритрее преследует политические цели, и должно подготовить предпосылки для дальнейшего проникновения Италии в Абиссинию одновременно с севера и с юга. В Эритрее существующая железнодорожная линия, ведущая от Массауа до Асмары (административный центр Эритреи) и дальше до Керена, протяжением в 310 км будет продолжена до Ом-Агера, расположенного у самой абиссинской границы. Вместе с тем в итальянской Сомалии строится дорога, ведущая от порта Могадишо, являющегося также административным центром этой колонии, до Джета, расположенного опять-таки у самой границы Абиссинии (см. карту). Характерно, что намечавшееся раньше продолжение на северо-восток железнодорожной линии от Могадишо до села герцога Абрुццо, которая имела бы чисто коммерческий характер, сей-

час отвергнуто и не включено в план железнодорожного строительства.

Что касается Триполитании, то здесь намеченные по плану железнодорожные линии в значительной своей части направлены в сторону границ Туниса. Одна дорога, почти уже законченная, ведет от Триполи вдоль морского побережья до

Зуары и Букамеши, расположенных на границе Туниса. С другой стороны, от Гаркана, находящегося в глубине материка и уже соединенного с Триполи железной дорогой, будет построена линия, направленная на запад, до Налут, находящегося опять-таки, у границы Туниса (см. карту). В упомянутой выше статье «Джорнале д'Италия» по поводу последней дороги, построенной буквально в пустыне, заявляет весьма недвусмысленно: «Этот отрезок дороги пересекает земли не особенно плодородные. Этим не уменьшается важность дороги, хотя ее значение в данном случае совсем другое».

ГЛАВА III

ВОСЕМЬ ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Если в области внутренней политики программа фашизма сводится к «уничтожению классово́й борьбы», т. е. в действительности к созданию наиболее «удобных» для буржуазии условий для осуществления своей диктатуры, то в области внешней политики фашизм характеризуется с самого начала откровенным воинственным и крикливым национализмом. «Великая Италия» — вот высшая цель, важнейший лозунг. Именно для достижения этой цели рабочий класс должен покорно переносить жестокую эксплуатацию труда, постоянное ухудшение своего положения, путем снижения заработной платы и систематических нарушений коллективных договоров со стороны капиталистов. Ясного представления о границах этой будущей вожделенной «Великой Италии» ни у кого нет; но во всяком случае теперешние границы Италии фашистских политиков не удовлетворяют. Те территориальные приобретения, которые достались Италии в результате мировой войны, не удовлетворяют appetitов молодой итальянской буржуазии. Одним из самых тяжелых обвинений, которые фашисты сбросили либеральным правительствам Митти и Джиолитти, было обвинение в том, что они недостаточно энергично отстаивали интересы Италии, дали себя «обойти» при разделе добычи в Версале, благодаря чрезмерной уступчивости и недостаточной вере в силы итальянской нации.

В той борьбе, которую фашисты вели с рабочим классом и с некоторыми группировками либеральной и радикальной буржуазии, в борьбе, увенчавшейся захватом власти в 1922 г., националистическая демагогия играла весьма важную роль, привлекая на сторону фашизма некоторые слои мелкой буржуазии и патриотически настроенную интеллигенцию, осо-

бенно учащуюся молодежь. Фашисты умело использовали глубокое разочарование, охватившее широкие круги мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции после империалистической войны. Как известно, Италия, которая с 1882 г. входила в состав Тройственного союза с Германией и Австро-Венгрией, в начале войны 1914 г. объявила нейтралитет и вступила в оживленные переговоры с обеими воюющими коалициями одновременно с целью выторговать наиболее выгодные условия своего будущего вступления в войну на стороне одной из них. Чтобы убедить Италию принять участие в войне против ее вчерашних союзников, англо-французская дипломатия не поспешила на обещания. Согласно тайному Лондонскому договору, подписанному 26 апреля 1915 г. Англией, Францией, Россией и Италией, последней были обещаны в случае победы над австро-германской коалицией значительные территориальные «прирезки» как в Европе, так и в Азии и Африке. По этому договору к Италии должны были отойти следующие области: весь южный Тироль до Бреннера, вся так называемая Юлианская Венеция (т. е. Гориция, Градиска, Триест и Истрия), почти все расположенные вдоль Далматского побережья острова и Валона вместе с протекторатом над Албанией. Сверх того было обещано юридическое признание державами произведенного Италией в 1912 г. во время Триполитанской войны захвата расположенных у юго-западного побережья Малой Азии островов Додеканеза и части самой Малой Азии, а именно области, тянотеющей к Адалии. Наконец Италии было обещано участие в разделе колониальных владений Германии в Африке.

Таким образом тайный Лондонский договор обещал Италии не только полное господство в Адриатическом море, но и значительное расширение ее колониальных владений, что ввело бы Италию в ряд великих колониальных держав. За это Италия обязалась в месячный срок после подписания договора вступить в войну на стороне Антанты.

Война принесла Италии ряд тяжелых испытаний и горьких разочарований. Слабо тренированная и технически отсталая итальянская армия терпела поражение за поражением. Знаменитый разгром итальянской армии при Капoretто осенью 1917 г., сделавший название этого местечка синонимом военной катастрофы, вошел одной из самых мрачных страниц в достаточно богатую неудачами военную историю Италии. В одном этом историческом сражении Италия потеряла почти половину (44%) своей артиллерии. Так или

иначе, Италия все же выполнила свою «миссию», предоставляя в распоряжение англо-Французского командования значительные резервы пушечного мяса и оттягивая часть австро-германских сил от «основных» фронтов. Однако, когда дело дошло до дележа добычи, разоренная и ослабленная войной Италия оказалась не в состоянии добиться от союзников выполнения торжественно данных ими обещаний. Поддерживаемая Францией и Америкой, Югославия оказала упорное сопротивление стремлению Италии к гегемонии в Адриатике. Италии предложено было в Версале договориться непосредственно с Югославией. В результате этих переговоров между Италией и Югославией был подписан 12 ноября 1920 г. договор в Рапалло, по которому Италия вынуждена была отказаться от обещанного ей по Лондонскому договору Далматского побережья (за исключением Зары и нескольких островов) и от своих претензий на Фиуме, который был превращен в «вольный город». Договор в Рапалло означал крах идеи итальянского господства в Адриатике.

Надежды Италии на территориальные приобретения за счет бывших германских колоний и за счет раздела Турции тоже не оправдались. Германские колонии в Южной и Восточной Африке были целиком захвачены Англией, которая не пожелала делиться с Италией. Пришлось также отозвать итальянские войска, оккупировавшие Киликию (в Малой Азии). Наконец внутренние затруднения и тяжелый финансовый кризис заставили Италию уйти из Албании и даже эвакуировать Валону.

Таким образом реальные результаты войны, в которой Италия потеряла одними убитыми 500 тыс. человек, оказались довольно скромными по сравнению с теми великодержавными перспективами, которыми союзники соблазнили итальянскую буржуазию на участие в войне. Но если сама буржуазия была разочарована и деморализована результатами военной авантюры, то еще глубже было возмущение, которое царило среди рабочих и крестьян, вынесших на своих спинах все тяготы войны и ее последствий, хозяйственной разбухи, дороговизны жизни и пр. Это возмущение широких трудовых масс вылилось в форму бурного революционного движения в городах и в деревне в 1919—1921 гг. В городах революционные рабочие захватывали фабрики и заводы, а в деревнях беднейшие крестьяне, объединенные в «красные лиги», захватывали земли помещиков и кулаков. Капитали-

стический строй в Италии был потрясен до самых оснований.

В это-то время и выступил со своей пропагандой фашизм. Фашизм обещал запуганной буржуазии расправиться с рабочим движением, которое благодаря предательству и саботажу реформистских вождей, начиная с 1921 г., пошло на убыль. После того как он загнал в подполье революционное движение и установил твердый диктаторский «порядок», Муссолини призывал отомстить за «унижения», нанесенные Италии ее союзниками, и бороться за международное положение Италии как великой державы, скомпрометированное малодушными, предшествовавшими фашизму, демократическо-либеральными правительствами. В воззвании, с которым Муссолини обратился ко всем фашистам накануне «похода на Рим» (28 октября 1922 г.), «всемогущий бог и души 500 тыс. наших мертвецов» призывались в свидетели того, что «одно лишь требование нами руководит, одна лишь воля нас воодушевляет, одна лишь страсть нас воспламеняет: содействовать славе и величию нашей отчизны».

Этот сугубо националистический и воинственный тон характерен для всех выступлений фашистских деятелей в вопросах внешней политики. Вполне естественно, что в рядах фашистов после захвата власти парило глубокое убеждение в том, что фашистской Италии в ближайшее время предстоят блестящие победы на фронте международной политики, и что Муссолини на внешнем фронте, как и на внутреннем, будет вести политику «твердой руки».

Однако сам Муссолини очень скоро после прихода к власти должен был убедиться, что положение Италии среди империалистических гигантов, «контролирующих» мировую политику, не позволяет ей рассчитывать в ближайшем времени на сколько-нибудь крупные успехи и на изменение в пользу Италии положения, созданного договорами, подписанными в Версале, Сен-Жермене и Трианоне. Сохраняя для «внутреннего употребления» самоуверенный и высокомерный тон, Муссолини на деле тщательно избегает всяких трений с союзниками. Весьма характерна в этом отношении знаменитая речь, произнесенная «вождем» в парламенте 16 ноября 1922 г., т. е. через три недели после переворота. С одной стороны, эта речь имеет целью создать впечатление, что Италия ставит союзникам какие-то требования: «кто желает получить от нас конкретные доказательства дружбы — должен сам дать нам такие доказательства конкретной дружбы».

Обращаясь к союзникам, Муссолини задал вопрос: «Какое положение Италии в Антанте, той Италии, которая не только по слабости своих правительств лишилась прочных позиций в Адриатике и в Средиземном море, но и не получила ни колоний, ни источников сырья и которая буквально раздавлена под тяжестью долгов, заключенных для достижения общей победы? Я предполагаю в беседах, которые я буду иметь с премьер-министрами Франции и Англии, поставить со всей ясностью и во всей его сложности вопрос об Антанте и о положении Италии внутри Антанты».

Такими пышными и самоуверенными фразами Муссолини стремится поддержать в фашистских рядах уверенность в том, что Италия разговаривает с великими державами на равной ноге, и что Муссолини высоко держит знамя фашистской Италии. В этой же речи Муссолини вынужден был однако заявить для успокоения других держав и в первую очередь Франции, что в своей внешней политике он будет исходить из «уважения к договорам». Он заявил также, что фашистское правительство намерено ратифицировать договоры с Югославией, подписанные в Рапалло и Санта-Маргарита, те самые договоры, которые содержали отречение Италии от претензий на безраздельное господство в Адриатическом море. Чтобы смягчить для своих соратников тяжесть этого унижения, Муссолини тут же чрезвычайно прозрачно намекает на то, что такое отступление от империалистических позиций фашизма является лишь временным: «Договоры не вечны и не неисправимы: они представляют собой главы истории, а не ее эпилог. Исполнять их — значит испытывать их. Если в ходе исполнения договоров выясняется их нелепость, это может явиться тем новым обстоятельством, которое открывает возможность последующего изучения взаимных позиций».

В этой, ставшей знаменитой, речи Муссолини можно найти самые разнообразные вещи: и «уважение к договорам», и указание на возможность их пересмотра, и «верность союзникам», и намеки на возможность ведения Италией какой-то своей самостоятельной политики. Если противоречивый характер выступления Муссолини объясняется тем, что оно направлено на два фронта, преследуя одновременно и внешнеполитические и чисто агитационные цели, то, одновременно, эта речь отражает те противоречия, которые будут характеризовать в дальнейшем политику фашистской Италии. Не будучи в состоянии вести самостоятельную политику, Италия вынуждена всегда прибегать к под-

✓
держке какой-либо из великих держав. Но судорожное стремление урвать что-либо то тут, то там, пользуясь колебаниями конъюнктуры, побуждает фашистское правительство к весьма частым и самым резким изменениям ориентации: то политика Италии окрашивается в самые резкие антифранцузские тона, и тогда наблюдается стремление к сближению с Германией и усиление контакта с Англией, то начинают раздаваться речи о солидарности «латинских сестер», что обыкновенно совпадает с известными антигерманскими выступлениями со стороны Италии. Вся внешняя политика фашистской Италии за истекшие годы отмечена резкими скачками, зигзагообразным развитием.

Впрочем было бы неправильным думать, что такое зигзагообразное развитие присуще одной лишь Италии: во взаимоотношениях великих держав—империалистических китов — Англии, Франции и САСШ—мы могли за годы после войны наблюдать достаточно крутые изменения взаимных позиций.

Дипломатия империалистических держав постоянно изоцируется в различных политических комбинациях: в образовании группировок отдельных стран для борьбы с другими. В течение ряда лет после войны 1914—1918 гг. Франция вела упорную дипломатическую борьбу против Англии. В 1928 г. Франция, стремясь изолировать Англию, ищет сближения с САСШ, но, не добившись цели, круто меняет линию и идет на восстановление англо-французской Антанты. Это возрождение Антанты было, как известно, делом Чемберлена и Бриана и было острием своим направлено против Америки. Но уже летом 1929 г. с приходом к власти «рабочего» правительства наблюдается распад англо-французского блока. Макдональд едет в Америку и прилагает все усилия к тому, чтобы добиться хотя бы временного смягчения англо-американских противоречий, хотя бы ценою уступок и отказа от традиционной роли Англии как безраздельной «владычицы морей». Во время подготовки к Лондонской конференции — января 1930 г.—по ограничению морских вооружений, Англия опираясь на поддержку САСШ, ведет борьбу против Франции и создает весьма затруднительное для последней положение, и это через год с небольшим после того, как обе стороны заключили (в 1928 г.) столь напумевшее и вызвавшее тревогу в САСШ морское соглашение.

Неустойчивость, зигзагообразность присущи вообще политике империалистических государств, и эта неустойчивость отражает лишь ту анархию и те глубокие противоречия, кото-

рыми раздирается все мировое хозяйство в эпоху империализма. Один лишь Советский Союз может позволить себе «роскошь» такой внешней политики, которая характеризуется постоянством и неизменностью своей основной линии. «Неучастие в политических группировках и комбинациях одних государств против других, отсутствие каких бы то ни было империалистических вождедений и стремлений к закабалению и подчинению других народов, разрешение национального вопроса на основе максимальной терпимости и уважения к национальным культурам даже самых малых народностей — таковы те факты, которые придают особую устойчивость внешней политике советского правительства»¹.

Но если неустойчивость и изменчивость присущи вообще политике империалистических стран, то нетрудно понять, почему в политике Италии это явление выражено особенно резко. Молодой итальянский империализм явился на арену мировой борьбы слишком поздно, когда уже великие державы совершили раздел всех колоний и прочно закрепили за собой стратегические позиции, обеспечивающие им их преобладающее положение. Сравнительная слабость Италии в экономическом и финансовом отношениях лишает ее возможности выступать в качестве самостоятельного партнера в крупной политической игре и побуждает искать поддержки то у одной, то у другой из великих держав и пытаться нажить политический капитал на противоречиях этих держав. Наконец существующий в Италии режим беспощадной диктатуры буржуазии, при котором классовая борьба «запрещена», что означает в действительности, что классовые противоречия обострены до последней крайности, заставляет итальянскую буржуазию искать выхода из этих противоречий на арене внешней политики — приобретения новых рынков, источников сырья, территорий для размещения «избыточного» населения и пр.

Так или иначе, первые выступления правительства Муссолини в области международной политики, на словах вызывающие и резкие, на деле были весьма умерены и свидетельствовали о том, что Муссолини достаточно трезво учитывал в тот момент реальные силы Италии и считал необходимым тщательно избегать каких бы то ни было международных осложнений, которые могли бы поколебать и внутреннее положение фашистского режима.

¹ Из доклада т. Литвинова на сессии ЦИК СССР 4 декабря 1929 г.

Демонстрируя свою верность союзникам и в частности оддерживая хорошие отношения с соседней Францией, Италия даже приняла было участие в оккупации Рурской области. Однако, убедившись в том, что за эту услугу империалистической политике Пуанкаре Италия ничего не получит для себя, Муссолини отзывает довольно скоро оккупационные части из Рура, и фашистская дипломатия начинает энергично заигрывать с Германией, против которой Италия только что посылала свои войсковые части. Итальянская дипломатия нашла сочувствие и поддержку со стороны германских фашистов, которым фашистская Италия должна была представляться во всех отношениях желательным союзником. Лидер германских фашистов — знаменитый Гитлер даже выразил согласие на отказ от всяких претензий на Южный фронт, устраняя таким образом наиболее болезненный пункт в отношениях между Италией, с одной стороны, и Германией и Австрией — с другой, вопрос. Зимой 1923/24 г. в Париже министерских кабинетов велись уже переговоры о заключении между Германией и Италией военного договора, направленного против Франции¹. Эти переговоры не привели однако ни к каким положительным результатам. В 1924 г. был отмечен расцветом пацифистских иллюзий в Европе. Приход к власти в Англии первого «рабочего» правительства Макдональда и победа во Франции на выборах 11 мая 1924 г. мелкобуржуазного «левого» блока положили начало довольно непродолжительной «эре демократического пацифизма». С этого же времени в Германии особенно усиливается так называемая западная ориентация, т. е. политика, рассчитанная на то, чтобы добиться облегчения версальского ига в борьбе, а путем компромиссов с державами-победительницами и главным образом с Францией. Все это конечно не благоприятствовало успеху итало-германских переговоров 1923/24 г. Эти переговоры представляют однако крупный интерес, поскольку они обнаруживают, что года через 1½ после прихода к власти Муссолини начинает проявлять определенный вкус к крупной политической игре. С другой стороны, они интересны и в том отношении, что ими положено начало той интимной близости, которая в дальнейшем устанавливается между итальянскими и германскими фашистами. Такое проявление этой близости можно было наблюдать в

¹ См. P. Herre, *Italiens auswärtige Politik in den Nachkriegsjahren. Zeitschrift für Politik*, 1923, Band XVII, Heft 7.

связи с чествованием в Италии делегации германской фашистской организации «Штальгелм» («Стальной шлем») ¹.

Гораздо большую огласку получила другая неудачная авантюра Муссолини — знаменитый десант 1923 г. на греческом острове Корфу, расположенном в Эгейском море, у выхода из Адриатического моря.

Фиуме. В январе 1924 г. Италия заключила с Югославией договор «о дружбе», известный под названием Римского. Этим договором временно был урегулирован спор между Италией и Югославией, вспыхнувший сразу после окончания мировой войны и едва не приведший к вооруженному столкновению между этими государствами. Предметом этого ожесточенного спора был город Фиуме (шо-сербски—Река), расположенный в северной части восточного побережья Адриатического моря, у устья реки того же названия. Еще в ноябре 1918 г., после крушения австро-венгерской монархии, город Фиуме был занят регулярными частями сербской армии. Через несколько дней к городу подошли и итальянские части, а сербские части по распоряжению союзников вынуждены были удалиться. На Парижской мирной конференции вопрос о Фиуме был предметом ожесточенной борьбы между итальянцами и сербами. Последние опирались на поддержку Франции и кроме того получили неожиданную и весьма существенную помощь со стороны Вильсона. Дошло до того, что итальянская делегация во главе с Орландо демонстративно покинула конференцию. Это однако не помогло, и итальянцам пришлось вернуться на конференцию. Но уже 12 сентября 1919 г. известный итальянский писатель Габриэль д'Аннунцио во главе набранных им добровольческих легионов и отдельных регулярных итальянских частей захватил город и провозгласил образование вольного государства Фиуме, которое он возглавил в качестве диктатора ². По существу это означало присоединение Фиуме к Италии. Через год после этого Италия вынуждена была подписать в Рапалло договор с Югославией, в котором обе стороны признавали полную свободу и независимость Фиуме и обязывались на вечные времена соблюдать неприкосновенность этого вольного государства. В действительности Италия отнюдь не отказалась от своих притязаний на Фиуме и лишь ожидала благоприятного случая, чтобы закрепить за собою эту пози-

¹ См. «Известия ЦИК СССР» от 2 декабря 1929 г.—«Международная пропаганда фашизма».

² См. Emile Morpurgo, *Esame giuridico della Controversia Adriatica*, Padova 1926.

цию на Адриатике. Это и было сделано в договоре 27 января 1924 г., по которому Италия приобрела Фиуме, а Югославия получила отделенный от Фиуме рекой Суссак порт Барош.

Приобретение Фиуме было первым существенным достижением правительства Муссолини в области внешних сношений. Югославия, правительство которой возглавлялось в то время старым Пашичем, стремилась к компромиссу с Италией, борьба с которой крайне осложняла и без того трудное положение «триединого королевства» сербов, хорватов и словен. В том же 1924 г. между Италией и Югославией был заключен торговый договор на основе взаимного наибольшего благоприятствования, а в 1925 г. были подписаны в Неттуно конвенции, которыми регулируются различные детали «адриатического вопроса», в том числе окончательно фиксируются границы Фиуме, а также права итальянских поселенцев в Далмации. Адриатическая проблема была разрешена, как увидим дальше, только на короткое время.

Чехо-Словакия. Вообще в 1924 г. Муссолини проявляет значительную дипломатическую активность. После того как был улажен спор с Югославией, Италия 5 июля 1924 г. заключает другой договор «о дружбе» — с Чехо-Словакией. Несмотря на это, отношения Италии с Чехо-Словакией всегда были (и остаются поныне) более чем холодными. Поскольку Чехо-Словакия является важнейшим элементом Малой Антанты и внутри этой, созданной французской дипломатией, политической группировки является наиболее ярко выраженным вассалом Франции, поскольку вообще Малая Антанта острием своим направлена против находящейся под покровительством Италии Венгрии, нет основания для создания подлинной, а не бумажной, дружбы между Италией и Чехо-Словакией. Подписанный в 1924 г. договор о дружбе принадлежит поэтому к числу мертворожденных дипломатических актов и интересен лишь как попытка Италии противодействовать влиянию французской дипломатии и ее стремлениям к созданию дунайской федерации. Борьба между Францией и Италией за влияние на Балканах и в юго-восточной Европе занимает центральное место в общей системе итало-французских противоречий.

Англия. После длительных и настойчивых домоганий Италии удалось получить небольшую компенсацию и в области колониальной. Соглашением 17 июля 1924 г. Англия уступает Италии так называемый Юбалад, граничащий с итальянской Сомалией. В следующем 1925 г. Египет уступил Италии распо-

ложенный на границе с итальянской колонией Киренаикой оазис Джарабуб, резиденцию главы воинственной и фанатической мусульманской секты сенусситов. Эти уступки ни в какой степени конечно не соответствовали тому, что было обещано Италии тайным Лондонским договором 1915 г. Однако фашистская печать для целей внутренней агитации постаралась представить эти колониальные приобретения Италии как крупную победу фашистской дипломатии.

Вообще же период 1924—1925 гг. знаменует собою решительное укрепление политических связей между Италией и Англией. При помощи весьма незначительных уступок и играя на империалистических устремлениях Италии и на ее вражде к Франции, Англия сумело очень ловко использовать Италию для целей своей собственной политики. Во время англо-турецких переговоров по моссульскому вопросу в 1925 г. и особенно в первой половине 1926 г., воинственный тон итальянской дипломатии был использован англичанами для того, чтобы создать впечатление о намерении Италии выступить с оружием в руках против Турции с целью захвата обещанных ей когда-то союзниками областей в Малой Азии. Хотя итальянское правительство категорически опровергало упорно распространявшиеся (очевидно из английских источников) слухи об антитурецких приготовлениях Италии, представление об агрессивности фашистской Италии настолько укоренилось в умах благодаря демагогическим речам самих фашистских деятелей и в результате таких выступлений, как бомбардировка Корфу и итальянские притязания на Адалию и Смирну, что эта угроза возымела свое действие и помогла Англии сломить сопротивление турок. Они 5 июня 1926 г. подписали договор, в котором отказывались от своих прав на Моссул.

Лозанский договор 24 июня 1924 г., по которому Лоджаназ был окончательно закреплен за Италией, но который, с другой стороны, оставлял за Турцией всю Малую Азию, означал значительную урезку итальянских притязаний в восточном бассейне Средиземного моря; и еще долго после подписания этого договора взгляды итальянских политиков были направлены в сторону Анатолии, где представлялась возможность некоторой добычи в случае столкновения между Турцией и Англией, которое в 1925/26 г. казалось очень близким.

Так или иначе, с достижением соглашения между Турцией и Англией в 1926 г. связано также и заметное улучшение отношений между Италией и Турцией, которое в дальнейшем привело к заключению договора о дружбе.

Англо-итальянское сотрудничество нашло себе яркое отражение также в соглашении, заключенном в декабре 1925 г., в виде обмена нот между Муссолини и английским послом в Риме. По этому соглашению Англия обещает Италии поддержку для получения концессии на постройку железной дороги, которая соединила бы две итальянские колонии в Африке: Эритрею и Сомалию. Пикантность этой типичной сделки двух империалистов заключалась в том, что железная дорога, о которой идет речь, должна пройти по территории Абиссинии, являющейся «независимым» государством и членом Лиги наций. Осуществление этого плана означало бы фактический раздел Абиссинии и полное уничтожение ее независимости. Отметим, что со своей стороны Италия обещала Англии «поддержку» для получения концессии на постройку плотины у выхода озера Цана, питающего истоки Голубого Нила. Эти планы потерпели однако неудачу благодаря бешеному сопротивлению со стороны Франции. Поддерживаемый последней абиссинский регент Рас Тафари заявил решительный протест перед Лигой наций против англо-итальянского соглашения, как нарушающего суверенитет Абиссинии. В результате обычных для Женевской дипломатической биржи закулисных переговоров Рас Тафари вскоре взял обратно свой протест, но Италия и Англия на время отказались от своих планов в Абиссинии¹.

Воодушевленное поддержкой Англии фашистское правительство лихорадочно ищет возможности для осуществления своих экспансионистских стремлений. Правда, попытка Италии добиться при подписании пресловутого пакта в Локарно, летом 1925 г., в котором Германия «добровольно» гарантировала Франции установленную Версальским договором границу между этими странами, включения гарантии и итальянских границ, не увенчалась успехом. Италия получила лишь то весьма сомнительное утешение, что она подписала вместе с Англией Локарнский договор и следовательно вместе с Англией на правах великой державы приняла роль «гаранта» восточных границ Франции.

За этот период взоры Муссолини направлены в сторону Африки, где Италия обладает лишь очень бедными колониями,

¹ На позицию Англии в данном случае повлияло также косвенное вмешательство Соединенных штатов, проявивших неожиданно «интерес» к постройке плотины у озера Цана. Крупная американская фирма предложила абиссинскому правительству свои услуги для этой постройки. Под давлением Англии эта сделка была сорвана, но и самой Англии пришлось на время отказаться от попытки получить концессию.

не только не способными удовлетворить потребность метрополии в промышленном сырье и не могущими служить рынком для сбыта продукции итальянской промышленности, но и приносящими определенный дефицит государству.

Весной 1926 г. Муссолини отправляется в поездку в Триполи на броненосце «Кавур». Эта поездка сопровождалась большой кампанией в прессе с целью приковать внимание общественного мнения к колониальной проблеме. Высадившись в Африке, Муссолини в речи перед журналистами заявил: «Сама судьба ведет нас к этой земле. Никто не может остановить судьбу и никто не сможет сломить нашу непоколебимую волю».

В то же время фашистская пресса резко нападала на Францию за ее законодательство, направленное к принудительной натурализации проживающих во Франции и в Тунисе итальянцев. Эта резко антифранцузская кампания вызвала соответствующий отзыв во Франции, и отношения между обеими странами приняли одно время крайне напряженный характер. Казалось, что дело дойдет до вооруженного конфликта. Однако в последний момент, убедившись в том, что Франция не намерена уступить, фашисты дали отбой, и все обошлось самым мирным образом. Муссолини не прочь был поугагать Европу и создать впечатление, что Италия готова на авантюру. Но в глубине души он прекрасно отдавал себе отчет, что такая авантюра таила в себе смертельную угрозу для самого фашистского режима в Италии.

Югославия. Обострение отношений с Францией сопровождается значительным усилением дипломатической активности Италии, направленной против союзника Франции на Балканах и в Адриатике, — Югославии. Антагонизм между Италией и Югославией, составляющий сущность так называемой адриатической проблемы, играет исключительно важную роль во всей внешней политике Италии. С давних пор мечтою итальянских политиков было превратить Адриатическое море в итальянское, в *mare nostrum* («наше море»), стать безраздельным хозяином в Адриатике. Осуществлению этой мечты мешала раньше Австро-Венгрия с ее военно-морской базой в Пола (Истрия), фактически господствовавшая в Адриатике. После крушения империи Габсбургов Италия очутилась лицом к лицу с Югославией, владеющей большей частью восточного побережья Адриатики. Таким образом та вражда, которую Италия раньше питала к Австро-Венгрии, после войны полностью перенеслась на Югославию. Своеобразная и исключительная

сложность международного положения Югославии заключается в том, что это государство благодаря энергичной поддержке Франции вышло из войны колоссально выросшим в отношении территории. Югославия образовалась из прежней Сербии не только за счет присоединения Черногории и отделившихся от Австро-Венгрии разноплеменных областей Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, но и за счет венгерских областей, как Банат, и за счет присоединения части Македонии с Монастырем и Призреном. Это колоссальное разбухание Югославии за счет грубо механического присоединения глубоко различных по национальному составу, по культурному развитию и по экономическим связям областей стало источником перманентной напряженности внутренних отношений и чрезвычайно неустойчивого внутреннего положения «королевства сербов, хорватов и словен». Присоединение областей, тяготеющих к Венгрии и Болгарии, питает ирредентистские настроения в этих странах и создает враждебные отношения между ними и Югославией. Не лучше и отношения последней с Грецией, на которую она оказывает давление в своем стремлении получить выход к Эгейскому морю (спор из-за железной дороги Гевгели—Салоники и за югославскую зону в Салоникском порту).

Таким образом из империалистической войны Югославия стараниями Франции вышла не только разбухшей свыше всякой меры, но и окруженная со всех сторон врагами. Но именно это враждебное окружение и заставляет Югославию крепко держаться союза с Францией. Для французского империализма Югославия является ценнейшим орудием в борьбе с Италией. В случае войны между Францией и Италией последней придется иметь дело не только с югославской армией, но придется также считаться и с тем фактом, что югославские порты в Адриатике, как Шибеник, Сплит и др. превратятся в базы для французских крейсеров и подводных лодок. Италия таким образом в соответствии с испытанными методами французской политической стратегии, окажется захваченной в тиски между Францией и Югославией.

Неудивительно поэтому, что антагонизм с Югославией стоит на первом плане международной политики Италии. Начиная с 1918 г., отношения между этими странами характеризуются своей крайней напряженностью, и неоднократно создается непосредственная угроза войны. Лишь изредка в итало-югославских отношениях можно отметить моменты за-

мирения, но они обычно крайне непродолжительны и сменяются новыми обострениями.

Подписание в 1925 г. конвенций в Неттуно, о которых мы упомянули выше, было связано с одним из «светлых интервалов» в итало-югославских отношениях. Но недолго длился этот светлый интервал. Неттунские конвенции подверглись в Югославии ожесточенной критике со стороны хорватской крестьянской партии, которую возглавлял тогда известный Степан Радич. Неттунскими конвенциями гарантировалась неприкосновенность земельных владений, принадлежащих итальянским гражданам, проживающим в Далмации, а итальянское население Далмации выделяется там не только по национальному, но и по социальному признаку. Итальянцы в Далмации представляют количественно незначительное меньшинство, но это меньшинство владеет большей частью обрабатываемых земель и держит в своих руках почти всю торговлю, тогда как коренное словенское население, составляющее большинство, состоит почти исключительно из крестьян, кустарей и сельскохозяйственных рабочих, эксплуатируемых помещиками-итальянцами. Таким образом национальные противоречия в Далмации теснейшим образом переплетаются с противоречиями классовыми. Закрепление за итальянцами, в форме международного соглашения, их прав в Далмации, означало закрепление существующих там отношений грубой эксплуатации и делало надолго невозможным проведение там аграрной реформы, которой добивалась партия Радича. Вот почему Радич поднял бешеную кампанию в стране и в скупщине против ратификации конвенций. Его поддерживали и другие партии национальных меньшинств, воспользовавшиеся этим удобным случаем, чтобы поставить пан-сербское правительство радикальной партии в затруднительное положение. В разгаре своеобразно балканской парламентской борьбы страсти накалились до последней крайности. Наконец на одном из заседаний скупщины Степан Радич был убит выстрелом из револьвера. Только после смерти Радича неттунские конвенции были ратифицированы скупщиной, через три года после их подписания (в 1928 г.).

Активность Италии, направленная к ослаблению Югославии, идет по нескольким направлениям. Италия всячески поддерживает сепаратистские стремления отдельных национальных групп в Югославии, используя глубокое недовольство, которое господство сербской военщины возбуждает среди хорватов, словен и мусульманского населения Боснии и Герцого-

вины, жестоко эксплуатируемых сербами, захватившими в свои руки правительственный аппарат и переложившими на них основную тяжесть налогового бремени. Хорватские федералисты (сторонники отделения Хорватии) поддерживают тесные связи с Италией, и их лидер Трумбич является в Италии частым и всегда желанным гостем. Итальянская пресса уделяет много внимания хорватскому сепаратистскому движению и проливает слезы над тяжелым положением хорватского народа, который несмотря на свой более высокий культурный уровень подвергается жестокому гнету и эксплуатации со стороны сербов. При этом фашистская пресса конечно забывает о родственных хорватах, словенах, проживающих в Триесте и в отошедшей к Италии Истрии, где они подвергаются со стороны итальянских властей еще более свирепым притеснениям.

Болгария. Волнения болгарского населения присоединенной к Югославии части Македонии также неизменно являются предметом сочувственного внимания римских политиков. Антисербское движение в Македонии, часто принимающее форму широких восстаний и отдельных террористических выступлений, является одной из многочисленных болячек искусственного государственного образования, вышедшего из версальской кухни под названием королевства сербов, хорватов и словен. Италия со своей стороны всячески поддерживала македонских четников¹, и итальянская печать не пощадила красок, разоблачая методы хозяйничания сербов в Македонии.

На этой почве выросла и укрепилась дружба между Италией и Болгарией, стремящейся к воссоединению под своей властью всей Македонии, ныне поделенной между Югославией и Грецией. Македонский вопрос, питая острую и непримиримую вражду между Болгарией и Югославией, создает общность интересов между двумя врагами Югославии — Болгарией и Италией.

Таким образом, если Югославия является верным слугой Франции, то Болгария становится наиболее близким союзником Италии на Балканах.

Если поддержка хорватского и македонского движения направлена к подрыву Югославии изнутри, то сближение с Болгарией является лишь звеном в той широко задуманной

¹ Вооруженные партизанские отряды, скрывающиеся в горах и производящие оттуда набеги на сербские правительственные учреждения и на отдельных крупных чиновников.

внешнеполитической комбинации, при помощи которой Рим ставит себе целью окружение Югославии. Окружить Югославию кольцом враждебных государств, ожидающих благоприятного момента, чтобы при поддержке Италии свести счеты с соседом, — вот та задача, над которой неустанно работает итальянская дипломатия.

Соседями Югославии кроме Болгарии являются: с юго-востока — Греция, с севера — Венгрия и Австрия, с юго-запада — Албания.

Старания Муссолини направлены к тому, чтобы тем или иным путем вовлечь эти страны в орбиту антиюгославской политики Италии, приспособить их к целям будущей итало-югославской войны.

Греция. По отношению к Греции Италия играет на противоречиях ее с Югославией. Югославия добивается выхода к Эгейскому морю через греческую территорию по железной дороге Гевгели — Салоники и закрепления за собою особой зоны в Салониках, что связано с определенным умалением суверенитета Греции. Последняя враждебно относится к домогательствам Югославии, опасаясь, что их удовлетворение в конечном счете будет иметь последствием окончательную потерю Грецией области, по которой проходит названная дорога, и Салоник. Антагонизм между Грецией и Югославией на этой почве настолько силен, что определяет отношение Греции к Италии и побуждает греков забыть и о Додеканезе с его чисто греческим населением, на который Греция упорно претендовала, и о бомбардировке Корфу в 1923 г. Посетивший Рим осенью 1928 г. греческий премьер Венизелос торжественно заявил о полном отказе Греции от притязаний на Додеканез, хотя это и вызвало взрыв негодования среди части греческих националистов.

Венгрия. Особено «сердечный» характер имеют отношения Италии с Венгрией, где находящаяся у власти монархическо-фашистская партия пользуется открытой поддержкой итальянских фашистов. Эти отношения в 1927 г. были облечены в форму договора о дружбе, который вызвал тревожное эхо в лагере Малой Антанты, где в этом акте увидели — и не без основания — симптом оживления националистических и реваншистских настроений в Венгрии. Дипломатия фашистской Италии тщательно культивирует эти настроения, чтобы с тем большим успехом в нужный момент натравить Венгрию на Югославию. Всем памятен скандал, который Италии с трудом удалось замять, когда случайно было обнаружено, что

она, нарушая Трианонский договор, тайно снабжает Венгрию автоматическими ружьями и пулеметами новейшей конструкции.

Румыния. Однако тут начинаются для итальянской дипломатии трудности и разочарования. В своем стремлении сколотить мощный антиюгославский блок, Италия приложила не мало стараний, чтобы привлечь на свою сторону Румынию. Для этого она решилась на шаг, от которого воздерживалась в течение ряда лет, а именно, на ратификацию так называемого Парижского трактата 1920 г., подписанного Англией, Францией, Италией и Японией, по которому, в нарушение элементарных норм международного права и вопреки ясно выраженной воле населения, Бессарабия была присоединена к Румынии.

Но купленные такой сомнительной ценой симпатии Румынии оказались весьма недолговечны. Беспокойная, мятущаяся дипломатия Рима не учла того, что нельзя впрячь в одну колесницу и Румынию и Венгрию, ибо последняя не может забыть об отторгнутых у нее и аннексированных Румынией богатых Трансильвании и Семиградья. Если Румыния готова смотреть сквозь пальцы на действия Италии, направленные против союзника Румынии и сочлена Малой Антанты — Югославии, то чрезмерная «интимность» Италии с Венгрией была совершенно не по душе Бухаресту. Этим воспользовалась Франция, которая при помощи либеральной партии Братиану повела энергичную борьбу против италофильского правительства генерала Авереску. С падением генерала Авереску итальянское влияние в Румынии потерпело огромный удар, от которого оно не оправилось до настоящего времени.

Австрия. Отношение Италии к Австрии определяется двумя моментами. С одной стороны, Италия весьма озабочена тем, чтобы воспрепятствовать так называемому «аншлуссу», т. е. объединению Австрии с Германией, так как в случае такого объединения Италии пришлось бы иметь дело с мощным и в будущем весьма грозным для нее соседом. Италия заинтересована также и в том, чтобы Австрия благодаря своей финансовой и политической слабости не оказалась втянутой в какую-нибудь международную комбинацию, вроде задуманной Францией дунайской федерации, в которой первую скрипку играла бы верная служанка Франции — Чехо-Словакия. Поэтому Италия поддерживает Австрию в вопросе об освобождении ее от репарационных платежей и принимает участие в размере 20 % в международном кредите, который был гарантирован Австрией Лигой наций в 1922 г.

С другой стороны, Италия прилагает усилия к экономическому проникновению в прилегающие к ее северо-восточной границе области Австрии — Штирию и Каринтию, где итальянский капитал укрепился в основных отраслях местной промышленности — лесной и электрической. Какие цели преследует Италия в этих областях, не трудно разобрать: они представляют собой чрезвычайно удобный путь для итальянской армии, которая таким образом сможет вторгнуться в Югославию с севера и ударить с тыла по югославской армии.

В отношениях Италии с Австрией, особенно за последние два года, заметную роль начинают играть все более и более тесные взаимоотношения между фашистскими организациями обеих стран. Подготовка австрийскими фашистами переворота с целью установления в Австрии режима фашистской диктатуры на подобие итальянской встречает сочувствие и поддержку со стороны фашистской Италии.

Албания. Главный центр тяжести антиюгославской политики Италии лежит однако в Албании. Здесь агрессивные планы Муссолини облекаются в такие действия, которые совершенно откровенно свидетельствуют о подготовке войны с Белградом. Пользуясь теми особыми правами, которые союзники предоставили Италии в Албании еще в 1921 г., Муссолини постепенно, целым рядом различных мероприятий, укрепляет свое влияние в этой стране, огромное стратегическое значение которой для Италии в случае войны с Югославией совершенно очевидно. Откровенные и грубые стремления Рима превратить Албанию в орудие своей империалистической политики вызывают естественное недовольство значительной части населения Албании. Одно время этим воспользовалась Югославия, чтобы нанести удар итальянскому влиянию в Албании. В 1925 г. президент Албанской республики Фан-Ноли был свергнут, и диктатором Албании при прямой поддержке Югославии стал Ахмет-Зогу. Однако в результате одной из столь обычных для Балкан комбинаций новый диктатор, пришедший к власти при помощи югославских штыков, вскоре повернулся спиной к своим вчерашним покровителям и взял курс на сближение с Италией.

Скоро после прихода к власти Ахмед-Зогу итальянская политика по отношению к Албании принимает весьма решительный и прямолинейный характер. Италия не удовлетворяется здесь заключением «договора о дружбе», наподобие заключаемых ею с другими соседями Югославии. 27 ноября 1926 г. Муссолини подписывает с Албанией договор, по кото-

рому Албания доверяет Италии охрану «статус-кво» (существующего положения) — политического, правового и территориального. Это означает по существу, что Италия принимает на себя не только защиту территориальной неприкосновенности Албании на случай нападения извне, но и охрану существующего в Албании политического режима, т. е. диктатуры Ахмет-Зогу против революционных восстаний народных масс.

С заключением этого договора независимость Албании, которая и раньше не была чем-то вполне реальным, превращается в голую фикцию. Но Муссолини идет дальше и 25 ноября 1927 г. подписывает с Албанией другой договор, устанавливающий формальный военный союз между обеими странами, определяющий условия «сотрудничества» вооруженных сил Италии и Албании.

Этими двумя договорами Албания фактически превращена в колонию Италии, и роль Ахмед-Зогу сводится к роли губернатора, управляющего этой колонией по инструкциям, получаемым из Рима.

За этими дипломатическими «операциями» следуют и другие, преследующие, с одной стороны, военные цели, с другой — направленные к возможно более интенсивной эксплуатации Албании финансовым капиталом Италии. Готовясь использовать территории Албании как плацдарм и ее население как пушечное мясо в будущей войне, итальянская буржуазия не забывает и о непосредственных интересах сегодняшнего дня.

Организованный итальянским капиталом «Албанский национальный банк» является орудием итальянского «контроля» над всей хозяйственной жизнью Албании. Характерно, что правление этого банка находится не в Албании, а в Риме. При банке организовано «Общество хозяйственного развития Албании», которое держит в своих руках все наиболее крупные предприятия¹ в области промышленности, торговли и транспорта, куда таким образом доступ имеет лишь итальянский капитал. Названное общество проводит в Албании обширный план «общественных работ» за счет албанского правительства. Эти общественные работы заключаются почти исключительно в постройке дорог, мостов, портов и т. п.

¹ Исключение представляет лишь нефтяная промышленность (находящаяся впрочем в зачаточном состоянии), где имеются английские, бельгийские и другие концессии на разведку и добычу нефти.

для стратегических целей, причем работы производятся под руководством итальянских военных инженеров, и даже мастера набираются из запасных солдат итальянской армии¹. Так как албанское правительство не обладает достаточными средствами для оплаты значительных расходов, связанных с этими работами, Албания через свой Национальный банк получила от Италии заем в 50 млн. золотых франков. Эта «финансовая операция» была проведена на условиях, характеризующих методы хозяйничания фашистской Италии в Албании. Албания обязана платить проценты и амортизацию, исходя из номинала в 50 млн. золотых франков, тогда как в действительности она получила меньше 36 млн. Но и эти деньги не находятся в распоряжении албанского правительства. Ими распоряжается управляемый итальянцами Национальный банк, который из сумм займа оплачивает итальянских подрядчиков, производящих различные «общественные работы» для целей итальянского империализма и в соответствии с директивами итальянского генерального штаба². Так как все подряды распределяются через «Общество хозяйственного развития», то, само собой разумеется, эти подряды достаются исключительно итальянским фирмам.

Проникновение фашистской Италии во все поры хозяйственной и политической жизни Албании происходит чрезвычайно интенсивно и напористо и в самых разнообразных формах. Албанское правительство непосредственно находится в финансовой зависимости от Италии, причем эта зависимость углубляется с каждым годом. Албания должна платить ежегодно Италии процентами по займу свыше 5 млн. золотых франков, но так как албанское правительство и без этого сводит свой бюджет с хроническим дефицитом, оно попадает по отношению к Италии в положение несостоятельного должника, и Италия получает таким образом возможность принять все те меры, которые она считает нужными для обеспечения регулярного поступления процентов и погашения по займу.

Само фашистское правительство Италии объясняет свою политику в Албании конечно самыми возвышенными сообра-

---

¹ См. C. F. Melville, Italy, France and South Western Europe «Fortnightly Review», May, 1928, p. 649.

² Своеобразный «механизм» албанского займа подробно описан в статье Н. Motherwell «Albania under the domination of Italy», в «Current History», июль 1928 г.

жениями. Италия, мол, как адриатическая держава, больше чем кто-либо заинтересована в упрочении политического положения Албании и в ее экономическом преуспевании. Но так как Албания не в состоянии собственными силами отстоять свою политическую и хозяйственную независимость и предоставленная самой себе, по словам итальянских политиков, неизбежно попадет в зависимость от Югославии и в случае итало-французской войны будет ею оккупирована, а Албанское побережье будет использовано Францией как база для морских операций против Италии в Адриатике, — то последняя поддерживает все мероприятия, направленные к экономическому и политическому укреплению Албании.

Эти великодушные и миролюбивые декларации фашистской Италии никем конечно не принимаются всерьез (в том числе и самими итальянскими фашистами).

Обострение итало-югославского антагонизма, составляющего часть так называемой итало-французской проблемы, приняло в связи с заключением договора в Тиране, настолько явные формы непосредственной угрозы военного столкновения, что даже Англия, поддержкой которой объясняется значительная часть успехов итальянской политики на Балканах, сочла нужным вмешаться. Англия в течение ряда лет была заинтересована в сохранении напряженных и враждебных отношений между Италией и Францией, так как это ослабляло позиции Франции в отношении Англии и давало последней возможность всякий раз, когда в этом встречалась нужда, оказать давление на Париж. Когда Бриан в 1926 г. сделал попытку договориться самостоятельно, без участия Лондона, с Германией (знаменитое свидание со Штреземаном в Туари), то Англия ответила на это поездкой Чемберлена в Италию; во время свидания Чемберлена с Муссолини в Ливорно, последний, как известно, получил «свободу действий» в Албании и обещание дипломатической поддержки со стороны Англии, после чего и последовало уже описанное выше дипломатическое и экономическое завоевание Албании Италией. Англия таким образом дала почувствовать Франции, как нехорошо пытаться урегулировать свои отношения с Германией без участия «союзной» Великобритании.

Но именно потому, что для нее Италия является ценнейшим козырем в политической игре с Францией, Англия озабочена, чтобы этот козырь не был израсходован преждевременно, в результате какой-либо авантюры со стороны Муссолини. Вот почему, когда в 1927 — 1928 гг. нажим Ита-

лии на Югославию начал принимать угрожающий характер, Англия вместе с Францией принимают меры к предупреждению конфликта и дают «советы благоразумия» итальянскому правительству. Для того чтобы эти «советы» нашли более быстрый путь к сознанию фашистских политиков, Англия прибегла к весьма действительному средству: с согласия английского правительства английские банки приняли участие в банковском концерне (вместе с американскими банками), который весной 1928 г. вступил с Югославией в переговоры о предоставлении ей крупного займа (в 50 млн. фунтов стерлингов). Этим Англия дала ясно понять Италии, что считает дальнейшее обострение отношений с Югославией несвоевременным. Отметим, что дело обошлось лишь угрозой и что этот заем в дальнейшем не был подписан.

Основная причина «миролюбия» Англии в этот период совершенно очевидна. Как раз в то время лондонский и парижский кабинеты (и соответствующие генеральные штабы) вели активную подготовку знаменитого англо-французского «морского компромисса», заключение которого произвело такую сенсацию летом 1928 г. Крутой поворот английской политики, произведенный консервативным правительством Болдуина-Чемберлена, обнажил перед всем миром всю глубину империалистических противоречий между Великобританией и Америкой, поскольку это новое сближение Англии и Франции было направлено в первую очередь против наиболее грозного конкурента Англии — САСШ. Возобновление англо-французского «сердечного согласия» не могло не отразиться и на положении Италии. Поскольку перед лицом более мощного врага Англия решила пойти на компромисс с Францией, она неизбежно должна была отказаться от политики безоговорочной поддержки Италии, которой она придерживалась до этого в течение целого ряда лет.

Соответственно этому в 1928 г. мы наблюдаем некоторое временное смягчение итало-югославского антагонизма. Англия, правда, позаботилась о том, чтобы дать некоторое удовлетворение своему итальянскому партнеру. Под ее влиянием Франция убедила Югославию ратифицировать Петтунские конвенции (13 августа).

К тому же времени относится и другая уступка со стороны Франции, а именно согласие последней на предоставление Италии участия в международной администрации Танжера, что было оформлено соглашением 17 июля 1928 г. между Англией, Францией, Испанией и Италией. Это участие

в администрации Танжера, которого Италия с таким упорством добивалась, имеет для нее впрочем преимущественно «престижное» значение: итальянская пресса преподнесла это итальянской публике как большую дипломатическую победу Италии и как признание ее равноправия с другими средиземноморскими державами.

Наконец при содействии английской дипломатии, Италия добилась некоторого успеха в Абиссинии. Последняя предоставила Италии концессию на постройку автомобильной дороги между Ассаб (в юго-восточной части итальянской колонии Эритреи) и Аддис-Абеба, столицей Абиссинии, что должно освободить Италию от необходимости пользоваться для сношений с Абиссинией единственной существующей в этой стране железной дорогой, проходящей через французскую Сомалию.

Все эти достижения итальянской политики были однако по существу лишь весьма незначительными подачками. Англия лишь стремилась смягчить для Италии тяжесть удара, который ей предстояло перенести. Таким тяжелым ударом был факт возрождения англо-французской Антанты. Италия, привыкшая базировать свою внешнюю политику на использовании противоречий между Францией и Англией, перед лицом соглашения, заключенного вчерашними соперниками, почувствовала себя глубоко изолированной. Как известно, франкофильская политика Чемберлена, ставившая Англию лицом к лицу с крупнейшим империалистическим гигантом — САСШ и грозившая уже в ближайшее время крайним обострением отношений между обеими англо-саксонскими странами, не встретила сочувствия английских избирателей. Вопреки ожиданиям приход к власти в Англии весной 1929 г. «рабочего» правительства Макдональда был встречен довольно сочувственно в фашистской Италии. По этому поводу в фашистской прессе высказывалось мнение, что в области внутренней политики английские лейбористы, как известно, являются добрыми монархистами и верными слугами короля, и на этой почве у них с итальянскими фашистами возможно полное взаимное понимание, а в области внешней политики «рабочая партия несомненно откажется от англо-американского и франкофильского курса правительства твердолобых, что вполне соответствует интересам внешней политики Италии.

- *Германия.* Итало-германские отношения начиная с 1922 г. чрезвычайно ярко отражают неустойчивый, противоречивый и

зизгагообразный характер внешней политики фашистской Италии. Муссолини не прочь был с самого начала своего прихода к власти пойти на весьма далеко идущее «сотрудничество» с Германией. Это было тем более «естественно», что Италию и Германию объединяло наличие общего соперника в лице Франции. Всякое ухудшение отношений с Францией сопровождается обычно со стороны Италии манифестациями дружелюбия по отношению к Германии.

Долгое время препятствием к установлению прочных дружественных отношений между Италией и Германией был вопрос о положении германского населения в Южном Тироле. В этой провинции, населенной исключительно немцами и присоединенной к Италии из стратегических соображений, руководствуясь принципом «естественных границ», итальянское правительство проводит политику жесточайшего национального гнета. Расчет фашистского правительства заключается в том, чтобы использовать время, пока Германия еще слишком слаба на международной политической арене, и закрепить свое положение в Южном Тироле путем возможно более быстрой «итальянизации» этой области. Для этого Южный Тироль наводняется итальянскими чиновниками — из наиболее ревностных фашистов, немецкий язык изгоняется из обращения. Несмотря на то, что местные жители итальянского языка не знают, запрещены всякие вывески на немецком языке под страхом строгого наказания. Даже самое географическое название области итальянизировано. Южный Тироль превращен в «Верхний Этч», Alto-Adige; (Adige, — по-немецки Etsch — река, берущая начало в Южном Тироле и впадающая в Адриатическое море южнее Венеции). Государственным языком, языком административных и судебных учреждений является только итальянский, что ставит в крайне тяжелое положение местное население, состоящее в подавляющем большинстве из крестьян и ремесленников.

Все эти притеснения не могли не вызвать протестов как в Австрии, так и в Германии. Для германских националистов и для германского правительства это было не только и не столько вопросом национальной солидарности, сколько ударом по политическому самолюбию Германии. Своим грубым колонизаторским администрированием в Южном Тироле Италия показывала, что не видит необходимости церемониться с Германией. Когда в австрийском парламенте в 1927 г. был поднят вопрос о тяжелом положении немцев Южного Тироля, это вызвало резкий отпор со стороны

итальянского правительства, а итальянская пресса открыла бешеную кампанию против Австрии. До того, в 1926 г., выступление Штреземана по поводу преследований южно-тирольских немцев вызвало гневный и грубый выпад со стороны Муссолини, который счел нужным предупредить, что если Италию рассердить, то итальянский флаг может перейти границу Бреннера.

Такого рода «обмены мнений» мало способствовали созданию дружественной атмосферы между Италией и Германией. И если с одной стороны, Италия склонна в отдельные моменты играть на противоречиях между Германией и Францией, то все же немалое влияние на отношения Италии с Германией имеет страх перед будущей могущественной Германией, которая, освободившись от пут Версальского договора, захочет вернуть себе прежнюю роль великой державы. Величайшим жупелом Италии является проблема Anschluss'a — объединения Германии с Австрией. Осуществление «аншлусса» имело бы результатом появление на северной границе Италии, вместо слабой и беспомощной Австрии, грозного соседа, обладающего огромной хозяйственной и — в потенции — военной мощью. «Аншлусс» коренным образом изменил бы ситуацию в юго-восточной Европе и нанес бы тяжелый удар итальянскому влиянию на Балканах. Да и самая граница Италии у Бреннера потеряла бы свою устойчивость, так как объединенное австро-германское государство неизбежно поставило бы в порядок дня вопрос о южно-тирольской ирреденте.

Перед призраком возрождающейся великой Германии Муссолини бросается в эксцессы германофобии, и тогда его ораторская лира настраивается на франкофильский лад. Забывается на время традиционная вражда к Франции и извлекаются старые заигранные мотивы о латинской культуре, о латинских сестрах, о единстве латинского мира и т. п. В интервью, которое он дал в январе 1926 г. парижской газете «Авенир» Муссолини заявил: «Франция и Италия, которые вместе насчитывают 80 млн. населения, должны — в этом их очевидный обоюдный интерес — идти рука об руку, как две сестры; они должны образовать крепкий блок против любого другого блока, который может быть образован раньше или позже некоторыми народами, которые нас ненавидят и готовятся к борьбе с нами. Мы должны быть вместе, всегда вместе. Вместе мы сильны, а нынче не быть сильным — это преступление». Такого рода рецидивы родственной нежности к «латинской сестре» повторяются у Муссолини всякий раз,

когда в Германии поднимается вопрос о Южном Тироле или об «аншлуссе».

Однако возвращение Германии на арену мировой политики в качестве активного и самостоятельного фактора этой политики — музыка далекого будущего. Фашистская Италия надеется своей политикой италянизации Южного Тироля настолько упрочить свое положение в этой области, чтобы сделать невозможным в дальнейшем пересмотр вопроса о национальном статусе.

Крайне любопытно, что за последнее время Италия находит поддержку в южнотирольском вопросе со стороны наиболее крайних националистических кругов Германии и Австрии. В декабре 1929 г. один из руководителей австрийской фашистской организации (Хеймвер) заявил, что южнотирольский вопрос больше не существует. Приблизительно в это же время в Италию прибыла делегация германских фашистов («Стальной шлем»). Делегация была принята генеральным секретарем фашистской партии Аугусто Турати. Встреча была обставлена весьма торжественно и сердечно. Эта демонстрация дружбы с обеих сторон была понята как отказ германских фашистов от претензий на Южный Тироль.

В настоящее время можно констатировать, что тирольский вопрос потерял свою остроту и не является больше сколько-нибудь существенным моментом в итало-германских отношениях. Если все же между Италией и Германией незаметно того сближения, которого, казалось бы, можно было бы ожидать на основе общности некоторых внешнеполитических интересов этих государств, то это объясняется более сложными причинами, на которых мы остановимся впоследствии.

Ватикан. Особое место во внешней политике Муссолини занимают его взаимоотношения с Ватиканом. Придя к власти, Муссолини получил в наследство от прежних правительств старый классический конфликт с Ватиканом, известный под названием «римского вопроса». Этот конфликт между Италией и «святейшим престолом» возник еще в 1870 г., когда, после ряда народных восстаний и многолетней сложной борьбы международных интересов, Италии удалось овладеть Римом, находившимся до того под властью римских пап. До последнего времени папы не признавали права Италии на Рим, а занятие города итальянскими войсками рассматривали как противозаконный акт, как узурпацию, против которой Ватикан при каждом удобном случае заявлял протест. Формально состояние конфликта выражалось в том, что

Италия, в отличие от всех католических держав и ряда некатолических, не имела своего дипломатического представителя при папском дворе. В знак протеста против «узурпаторов» папа демонстративно ограничил себя территорией Ватикана и не выходил за его пределы («ватиканский пленник»). Практически, известный неофициальный компромисс был найден вскоре после занятия Рима. Он заключался в том, что папе предоставили территорию Ватикана, где он продолжал держать себя на правах суверена, принимал и назначал послов, содержал небольшую войсковую часть и т. д.

Муссолини не захотел удовлетвориться таким компромиссным решением «римского вопроса», при котором все же сохранялось состояние конфликта. В своем стремлении урегулировать отношения с Ватиканом Муссолини руководствовался соображениями как внутренней, так и внешней политики.

Затяжной конфликт между итальянским правительством и римским папой имел то последствие, что создавалась известная традиция оппозиционности у католического духовенства и всей организации католической церкви в Италии по отношению к итальянскому правительству. Этот оппозиционный дух поддерживался до известной степени и политикой отделения церкви от государства, которую, правда, довольно нерешительно и непоследовательно, вели прежние буржуазно-демократические правительства в Италии. До какой степени сильно влияние католического духовенства среди значительной части итальянского населения (преимущественно крестьянства, мелкой буржуазии и среди отсталых элементов рабочего класса, особенно в южных провинциях), видно из того факта, что до тех пор пока папа не снял распоряжения о бойкоте выборов в итальянский парламент, сотни тысяч избирателей не принимали участия в выборах. Характерно, что бойкот выборов в парламент был снят Ватиканом лишь в 1919 г., когда бурный рост рабочего движения, социалистических партий и классовых профсоюзов вызвал тревогу у буржуазии и побудил папу искать средств борьбы с растущим классовым самосознанием трудящихся масс города и деревни. Вполне естественно, что фашизм с первых же шагов должен был искать сближения с католической церковью, которую он не мог не рассматривать как естественного союзника. Фашизм и католицизм, являясь каждый по-своему силами социальной реакции, очень скоро обнаруживают стремление к соглашению друг с другом. Правда, и тут дело не обходится без про-

тиворечий и множества зигзагов. По соображениям агитационного порядка, в зависимости от аудитории, к которой они в данный момент обращались, фашисты прибегали иногда, главным образом в период до захвата власти, к лозунгам антиклерикальным и антимонархическим («Долой папу, долой короля»). Эта демагогическая агитация, имевшая целью привлечь к фашизму инстинктивно радикальные, но мало сознательные элементы мелкой буржуазии и пролетариата, очень быстро исчезла после того, как фашизм стал у власти. Антиклерикальная и республиканская демагогия уступила место верноподданническим демонстрациям преданности савойской династии и усиленным заигрываниям с Ватиканом.

Переговоры с Ватиканом однако долго не приводили к заключению соглашения. Одним из главных камней преткновения был вопрос о детских и юношеских организациях. Католическая церковь имела в Италии, как и в ряде других стран, обширную сеть своих детских и юношеских спортивных организаций. Через эти спортивные союзы (католические бойскауты) католическая церковь проводила свою религиозную пропаганду, обрабатывая свою паству с самого юного возраста. Фашисты со своей стороны тоже развернули весьма активную работу среди молодежи и детей для воспитания их в духе фашизма. В то время как в католических организациях главное внимание уделялось религиозному воспитанию с известным пацифистским оттенком, фашисты стремятся привить молодому поколению националистическую и милитаристическую идеологию фашизма. В фашистских организациях (Балилла) молодежь воспитывается в духе безграничной преданности «вождю», который ведет Италию к великому будущему. Главное внимание обращается на военную подготовку и на выработку военного духа. Фашисты нетерпимо относились к конкуренции со стороны других организаций, так как значительная часть молодежи шла в католические и другие организации (бойскауты, протестантская организация молодежи) только для того, чтобы не идти к фашистам. В 1926 г. все юношеские организации кроме фашистской были распущены распоряжением правительства. При переговорах и заключении договора Ватикан добивался восстановления католических организаций, но в конечном счете примирился с их ликвидацией.

Вообще представляя католической церкви полную свободу деятельности в области чисто вероисповедной, фашизм всячески препятствует перерастанию этой деятельности в полити-

ческие формы. Ватикан, наоборот, стремится под покровом религиозных организаций создать себе определенный рычаг политического воздействия на фашистский режим для более успешного приспособления его к задачам католической церкви. На этой почве и происходят частые столкновения между Муссолини и Ватиканом, которые однако не мешают их мирному сожителству.

Но не только соображения внутренней политики побуждали Муссолини искать соглашения с папой. Благодаря своей мощной международной организации Ватикан представляет собой определенную силу в международной политической жизни капиталистического мира. В связи с общей реакцией, которой характеризуется история капиталистических стран в период после империалистической войны, реакцией, которая обусловлена крайним обострением классовых противоречий, роль Ватикана и его авторитет в капиталистических кругах сильно возросли. Двор римского папы, где представлены своими послами почти все государства Европы, является немаловажным центром политических интриг. Муссолини, с присущим ему стремлением «быть налицо» всюду, где встречаются политические интересы разных стран, не мог примириться с тем, что католическая Италия одна не представлена при Ватикане и лишается тех преимуществ, которые ей может дать сотрудничество с Ватиканом на поприще международной политики. Муссолини тем более должен был остро чувствовать неудобства этого положения, что он видел, какую большую пользу республиканская и «атеистическая» Франция умеет извлечь из своих отношений с Ватиканом.

Особенные расчеты на поддержку Ватикана связаны у Муссолини с его колониальными вожделениями. Колониальная программа фашистского империализма включает требование передачи Палестины Италии, которая взяла бы на себя «высокую миссию» охраны так называемого «гроба христового» и других христианских «святынь». В 1928 г. итальянский наследный принц Умберт посетил эти «святые места». Посещение было обставлено с большой помпой, рассчитанной на демонстративный эффект. Итальянская пресса устроила большой шум вокруг этой поездки, подчеркивая, что Италии, как католической стране, больше всего пристало принять на себя охрану христианских святынь. В этом вопросе Италия сильно рассчитывает на поддержку Ватикана.

Как известно, католическая церковь ведет энергичную миссионерскую работу в колониальных и полуколониальных

странах Востока. Эта деятельность Ватикана тоже значительно усилилась в годы после последней империалистической войны. Католические миссионеры разных национальностей, разнося «слово христово» среди мусульманских, буддистских и языческих народов Азии и Африки, являются в то же время верными пионерами европейской капиталистической «культуры». Поэтому фашисты стремятся к тому, чтобы возможно большее число этих миссионеров набиралось среди итальянцев, которые таким образом совмещали бы службу господу богу со служением священным целям итальянского империализма. Урегулирование отношений с Ватиканом естественно улучшает шансы Италии на замещение итальянцами миссионерских постов, которые являются предметом традиционного соревнования между французами и итальянцами.

Вот какими расчетами руководствовался Муссолини предлагая усилия к достижению соглашения с Ватиканом. Это соглашение состоялось после длившихся несколько лет переговоров. 11 января 1929 г. в Латеранском соборе в Риме был подписан договор, коим римский папа признал *de jure* Италию в ее нынешних границах, со столицей в Риме. Италия со своей стороны признала независимость и суверенный характер папского государства в пределах территории Ватикана¹. Дипломатические отношения между Италией и Ватиканом восстановлены. За формальный отказ от некогда принадлежавших ему территорий Ватикан получает возмещение в размере 170 млн. руб. Одновременно был подписан конкордат, регулирующий права католической церкви в Италии. По конкордату окончательно вводится во всей сети народного образования обязательное преподавание «закона божия», восстанавливается институт церковного брака, которому придается законное значение наряду с гражданским браком, и т. д. С другой стороны, итальянские священники и епископы будут приносить присягу на верность фашистскому государству, молиться о здравии короля Италии и т. п. Нашелся даже какой-то фашистский духовный иерарх, который вскоре после подписания латеранских соглашений сочинил особую молитву о здравии «вождя» Муссолини.

Хотя обе стороны весьма удовлетворены достигнутым соглашением, положившим конец полувековому «римскому вопросу», однако и после подписания латеранских актов продолжается известное соревнование между церковью и фашиз-

¹ Вся площадь Ватикана составляет не больше 14 га.

мом. Главным предметом споров продолжает быть вопрос о воспитании юношества, а также деятельность католических газет, органов „*Azione Cattolica*“ («Католического действия»), мощной и широко разветвленной организации религиозно-благотворительного характера. Эта организация не ограничивается однако лишь благотворительностью и чисто религиозной пропагандой, а стремится под видом всякого рода культурно-просветительной работы максимально расширить круг своего действия. Ряд выходящих в Италии католических газет, находящихся под контролем этой организации, в своих статьях систематически отражал позицию Ватикана и в условиях строжайшей фашистской цензуры стремился занять позицию известной независимости по отношению к фашистскому режиму. В результате в конце 1929 г. несколько таких газет было закрыто фашистскими властями.

В значительной мере некоторая «оппозиционность» Ватикана объясняется специфическими престижными соображениями «святейшего престола», который опасается, чтобы его авторитет среди католиков других стран мира не пострадал, если распространится убеждение в чрезмерной покорности папы итальянскому правительству и в потере «святым отцом и наместником Христа на земле» своей политической независимости¹.

СССР. 7 февраля 1924 г. Италия подписала торговый договор с СССР на основе признания *de jure*. До этого момента отношения между Италией и Советским Союзом базировались на временных договорах, подписанных еще до прихода к власти фашистов, 26 декабря 1921 г., между Италией, с одной стороны, и РСФСР и Украинской ССР — с другой, заключавших признание обеих советских республик *de facto*. Подписание договора 1924 г. было в значительной мере ускорено влиянием прихода к власти в Англии правительства Макдональда, которое восстановило с СССР нормальные дипломатические отношения. В основном же стремление правительства Муссолини к установлению прочных и нормальных взаимоотношений с СССР диктуется реальными интересами Италии, нуждающейся в ввозе сырья и продовольствия, которые являются предметами вывоза из СССР, как нефть, уголь, хлеб и проч., и в вывозе продуктов итальянской промышленности².

¹ Интересное освещение «римского вопроса» см. в ст. Эрколи: Конец «римского вопроса», журнал «Коммунистический интернационал» № 21, от 29 мая 1929 г.

² См. речь Муссолини в палате депутатов 30 ноября 1923 г., «*La Nuova Italia*», т. II, стр. 119 и сл.

Со времени установления дипломатических сношений торговые связи между СССР и Италией неуклонно развиваются. Мы покупаем и заказываем в Италии суда, автомобили, электрическое и разное механическое оборудование. Неуклонно растет ввоз в Италию из СССР нефти, леса, угля, а также после некоторого перерыва и хлебных продуктов.

Проводимая Францией тактика экономической войны против СССР и сколачивания «аграрного» антисоветского блока не встречает сочувствия в Италии, поскольку последней отнюдь не интересно содействовать Франции в ее стремлении к гегемонии над европейским континентом. Понукаемая ударами глубокого хозяйственного кризиса и своей враждой к Франции, Италия не без успеха старается захватить те позиции на советском рынке, которые теряет, благодаря своей политике антисоветской авантюры, ее французский конкурент. Это нашло себе отражение в соглашении, подписанном в Риме 2 августа 1930 г. заместителем народного комиссара внешней и внутренней торговли т. Любимовым и министрами корпораций и финансов Ботти и Москони. Соглашение это предусматривает гарантию итальянского правительства по долгосрочным кредитам, которые итальянские промышленники будут открывать нашему торгпредству в Италии при закупке различных промышленных изделий. Соглашение 2 августа 1930 г. дает возможность уже в текущем году существенно расширить наши заказы в Италии по линии судостроения, механического и электротехнического оборудования.

Сопоставление итальянской и французской тактики в области экономических взаимоотношений с СССР представляет любопытную иллюстрацию того, как противоречия между империалистами действуют в пользу государства трудящихся.

1930 г. отмечен значительным усилением интереса к СССР со стороны Италии и стремлением последней к установлению известного контакта с СССР в ряде вопросов международной политики. Кроме уже упомянутого соглашения 2 августа, этот новый поворот итальянской политики нашел отражение в тактике итальянской делегации на ноябрьской (1930 г.) сессии подготовительной комиссии по разоружению, где по ряду вопросов итальянская делегация, так же как и германская голосовала вместе с делегацией СССР, противопоставляя себя таким образом делегациям Франции и ее вассалов. В этом же смысле показательна позиция Италии в отношении последней затеи французской дипломатии — проекта «пан-европей-

ской федерации». Подобно Германии, Италия заявила, что считает необходимым приглашение СССР и Турции к участию в работах «пан-европейской» комиссии и Франция должна была в конечном счете отступить от своей первоначальной позиции, заключавшейся в том, чтобы «отерочить» участие СССР до другого момента. Одряхлевший златоуст французского империализма Бриан неожиданно выболтал истинные мотивы этой французской позиции, заявив, что при участии СССР нельзя будет осуществить той «интимной и братской атмосферы», которая необходима для обсуждения вопросов, вроде вопроса о применении ст. XVI устава Лиги наций, трактующей, как известно, об обязанности государств — членов Лиги пропускать через свою территорию войска и оружие, направляемые против государства, угрожающего, по мнению Лиги, «делу мира».

Тот факт, что в своей антисоветской «пан-европейской» политике французский империализм встретил на данном этапе известное противодействие со стороны Германии и Италии, дал повод буржуазной и социал-фашистской прессе Франции поднять вопль об образовании «итало-германо-советской» коалиции, готовящей не более не менее, как войну против Франции.

Мировой хозяйственный кризис, охвативший все без исключения капиталистические страны, и одновременно бурный рост социалистического строительства в нашей стране вызывают также рост враждебности к СССР и усиленную подготовку новой интервенции, что ярче всего отражается на политике Франции. С другой стороны, кризис капитализма, обостряя все противоречия империалистического мира, вызывает усиление антиверсальских настроений в Германии и обострение франко-германского антагонизма, а также обострение итало-французских противоречий. В Германии и Италии все настойчивее ставится вопрос о необходимости и неизбежности ревизии Версальского договора и противодействии французским устремлениям к европейской гегемонии.

Именно это и вызывает усиление интереса со стороны Германии и Италии к СССР, который является непримиримым врагом всяких попыток установить гегемонию в международной политике. К этому надо добавить, что огромные успехи нашей пятилетки вызывают в хозяйственных кругах этих стран стремление теснее связаться с советским рынком, емкость которого, в отличие от всех капиталистических стран, не только не уменьшилась за последнее время, но продолжает неустанно и быстро расти.

ИТАЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Уже из предыдущего обзора мы могли увидеть, что проблема взаимоотношений с Францией играет в политике Италии совершенно исключительную роль. Говоря о проблемах итальянской политики, имеют в виду обычно адриатическую проблему, борьбу за влияние на Балканах, борьбу за преобладание в Средиземном море, проблему колониальной экспансии. Все эти проблемы сталкивают Италию с «латинской сестрой» Францией. В «историческом» стремлении Италии к господству в Адриатическом море фашистский империализм встречается лицом к лицу с империализмом французским, вооружающим против него Югославию, присутствие которой в Адриатике превращает это море из «итальянского озера», каким хотели бы его видеть Муссолини и его соратники, в очаг всяческих опасностей и в поле действия для югославских и французских военных судов. Та сеть политических комбинаций и интриг, которую Италия упорно тклет на Балканах с целью набросить ее в удобный момент на Югославию, постоянно то тут, то там рвется усилиями искусной дипломатии Парижа, опирающейся на более мощный финансово-экономический аппарат Франции. В Африке, куда с особенной жадностью устремлены взоры итальянского империализма, он встречает опять-таки крепкий барьер, воздвигнутый колониальной империей Франции, преграждающий путь как вглубь, в Центральную Африку, так и на Запад.

Франция издавна с опаской смотрела на стремление Италии превратиться в крупную силу на Средиземном море. Еще в 50—60-х годах прошлого столетия Наполеон III оказывал поддержку римскому папе в его борьбе с Италией, и только крах французской империи в результате франко-прусской войны 1870 г. дал возможность Виктору-Эммануилу II вступить в нынешнюю столицу Италии — Рим, который до того находился под охраной французского гарнизона. Франции ни-

сколько не улыбается появление нового конкурента на Средиземном море, притом конкурента тем более требовательного и ненасытного, что он собственно еще только начинает свое империалистическое развитие.

В развитии итало-французских взаимоотношений чрезвычайно ярко выразилась неустойчивость и зигзагообразность итальянской политики. В начале 80-х годов Италия, под влиянием обострения отношений с Францией, захватившей в 1881 г. Тунис, бросается в объятия Германии и вступает в тройственный союз с Германией и Австрией. В начале XX в. однако Италия все больше отворачивается от своих союзников и, хотя и сохраняя формально союзные отношения с Берлином и Веной, подпадает под влияние Англии и втягивается в орбиту англо-французского «сердечного соглашения», этого инструмента будущей великой войны 1914 — 1918 гг. Вступление Италии в войну против своих вчерашних союзников было этим самым предопределено. Но после окончания войны 1914 — 1918 гг. крайне обострились все противоречия капиталистического мира. И итало-французский антагонизм приобретает после войны исключительно углубленный и острый характер и становится одной из важнейших проблем европейской политики. Фашистский переворот и связанное с этим резкое империалистическое заострение политики Италии значительно усиливают в отношениях между обеими странами атмосферу подозрительности, недоверия и вражды. При таких условиях всякий, иногда совсем мелкий, инцидент превращается в политическое событие, раздуваемое шовинистической прессой обеих стран. Не проходит почти месяца, чтобы в связи с тем или иным мелким случаем между французскими и итальянскими газетами не завязывалась ожесточенная полемика, где каждый обвиняет другого во всех смертных грехах, причем за обвинениями следуют и весьма недвусмысленные угрозы.

Это крайне обостренное состояние итало-французских взаимоотношений побуждает обе стороны искать или делать вид, что они ищут компромисса, который бы позволил если не разрешить, что явно невозможно, то хоть временно отсрочить существующие противоречия интересов. В течение двух лет с лишним (1928 — 1930 гг.) в Риме велись переговоры между Муссолини и французским послом Бомарше, в программу которых входило урегулирование всех спорных между обеими странами вопросов и заключение «договора о дружбе». Ознакомление с ходом и содержанием этих переговоров, поскольку

они известны по данным хорошо осведомленной европейской прессы, позволит нам с достаточной полнотой разобраться в современном состоянии итало-французских отношений.

Каковы основные вопросы, служившие предметом переговоров между Муссолини и Бомарше?

Это, во-первых, вопрос об итальянских поселенцах в Тунисе, во-вторых, вопрос о «пересмотре» южных границ итальянской колонии в Африке — Ливии, граничащей с французской Экваториальной Африкой, и, в-третьих, вопрос о взаимоотношениях обоих государств на Балканах. В процессе переговоров возникли еще два крупных вопроса: вопрос об итальянской антифашистской эмиграции во Франции и вопрос о позициях обоих государств в связи с назначенной на 21 января 1930 г., конференцией Америки, Англии, Франции, Японии и Италии по ограничению морских вооружений.

Больше двух лет тянулись переговоры между Францией и Италией по всем этим вопросам, но ни по одному из них не только не достигнуто соглашения, но и не заметно никакого приближения к разрешению. Исключение, пожалуй, составляет стоящий особняком вопрос об итальянских политических эмигрантах, покинувших Италию из-за политических преследований и поселившихся во Франции. Благодаря географической близости, родству языков и пр., главная волна политической эмиграции из фашистской Италии в течение ряда лет направляется во Францию. Во Франции таким образом скопилось значительное число итальянских политических эмигрантов, представителей всех политических партий, разогнанных фашистским режимом. Тут и католическая партия «пополяри» во главе с основателем этой партии дон Стурцо, и умеренные республиканцы, и радикалы во главе с бывшим премьер-министром Нитти, и социал-реформисты во главе с Филиппо Турати, и анархисты, и коммунисты. Эмигрантами-антифашистами издается ряд газет, организуются собрания, доклады, ведется антифашистская пропаганда. Если буржуазно-либеральная и социал-реформистская эмиграция не представляет опасности для фашистской диктатуры и явно склонна искать компромисса с нею на почве борьбы с общим врагом — коммунистической партией, мобилизующей рабочий класс Италии для грядущей пролетарской революции, то наличие за пределами Италии итальянских коммунистов сильно беспокоит фашистское правительство, которое у себя наполнило тюрьмы и места ссылки коммунистами и революционными рабочими.

Много шума было поднято в свое время (в 1926—1929 гг.) итальянской прессой в связи с несколькими террористическими актами против Муссолини, организацию которых фашисты приписывали антифашистской эмиграции. Впрочем как выяснилось в результате некоторых «провалов», эти террористические акты в большинстве случаев готовятся...

фашистскими агентами-провокаторами, которых фашистская охранка в большом числе содержит в различных эмигрантских группировках. В 1926 г. большую сенсацию произвело дело фашистского провокатора Гарибальди (бесславного потомка знаменитого деятеля итальянского объединения), который, находясь во Франции под видом политического

эмигранта, по поручению охраны организовывал террористические акты против фашистов. Тот факт, что французские власти в течение ряда лет допускали существование во Франции оппозиционных итальянских группировок, менее всего объясняется политической терпимостью французского правительства и уважением к принципу политического убежища. Для Франции наличие антифашистской эмиграции, при болезненной чувствительности фашистского правительства, было прекрасным козырем в политической игре, средством политического давления на Италию. Как указывает римский корреспондент «Тан» (28 октября 1929 г.), «в настоящих условиях понятно, что проблема политической эмиграции рассматривается в общей системе франко-итальянских отношений как первостепенный и быть может наиболее существенный вопрос». Корреспондент намекает на то, что с точки зрения Рима этот вопрос является кардинальным условием установления добрых отношений между обеими странами.

Франция прекрасно учитывает то беспокойство, которое внушает фашистской диктатуре существование в соседней с Италией стране враждебных этой диктатуре группировок, и французская дипломатия старается извлечь из этого факта максимальную пользу для себя. Не подлежит никакому сомнению, что в нужный момент, если представится возможность добиться таким путем от Италии уступок в других вопросах, французское правительство не остановится перед полной ликвидацией эмигрантских организаций, закрытием газет, арестами и высылками наиболее видных представителей эмиграции. И действительно лишь недавно (в январе 1930 г.) французская полиция произвела ряд арестов среди итальянских эмигрантов — революционных рабочих и коммунистов, и этот «дружеский жест» в сторону Рима находится несомненно в тесной связи с тем фактом, что в связи с предстоявшей в конце января морской конференцией в Лондоне Франция была заинтересована в смягчении своих отношений с «латинской сестрой».

Теперь перейдем к рассмотрению других важнейших проблем франко-итальянских взаимоотношений: об итальянцах в Тунисе, о границах Триполитании и о взаимоотношениях на Балканах.

Тунис. Тунисский вопрос является одним из наиболее четко и резко очерченных предметов спора между Италией и Францией. Дело конечно не только в том, что Италия озабочена сохранением за поселившимися в Тунисе итальянцами их

ациональности, культурных связей и пр. Вопрос о тунисских поселенцах неразрывно связан для фашистских политиков с их общей концепцией средиземноморской проблемы, с их планами итальянского господства в Средиземном море и северной Африке. Поэтому спор о правовом положении той сотни тысяч итальянцев, которые живут во французской колонии Тунисе, приобретает весьма серьезный характер и в то время оставляет мало надежд на мирное разрешение.

Итальянские националисты до сих пор не могут себе представить, что в 1878 г., во время Берлинского конгресса, Италия прозевала Тунис и допустила, чтобы Франция, так сказать, схватила его у Италии из-под носа. Стремясь натравить Италию на Францию, Бисмарк «предлагал» Тунис (принадлежавший Османской империи) и итальянцам и французам. Италия не решилась воспользоваться этим великодушным предложением «железного канцлера», боясь международных осложнений. А через три года Франция высадила свои войска в Тунисе и объявила там свой «протекторат», т. е. попросту превратила эту область в свою колонию.

Захват Францией Туниса, главный порт которого — Бизерта — находится всего на расстоянии трех часов от берегов Сицилии, был тяжелым ударом для средиземноморских планов Италии, которая таким образом лишилась всяких возможностей дальнейшего расширения в западной, т. е. наиболее плодородной, части североафриканского побережья. Это событие вызвало крутой поворот во внешней политике Италии и предопределило ее направление на несколько десятков лет, побудив Италию к сближению с врагом Франции — Германией и ко вступлению в Тройственный союз. Расчет Бисмарка оказался верным. Тунис стал на долгие годы и до настоящего времени остается яблоком раздора между обеими «латинскими сестрами».

Расчет фашистских политиков заключается в том, что «Тунис неизбежно должен стать итальянским» в силу того, что итальянцев в нем больше, чем французов и что прирост итальянского населения там значительно больше, чем французского. Этот «демографический» аргумент учитывается и французами, которые однако делают из него прямо противоположный вывод. Чтобы сохранить за Тунисом его характер французской колонии, Франция ведет в Тунисе политику добровольной и принудительной натурализации. Этой политике натурализации итальянские фашисты противопо-

оставляют энергичную контрпропаганду: депутаты итальянского парламента совершают поездки в Тунис для поддержания национального духа среди итальянских поселенцев; итальянские организации в Тунисе получают материальную поддержку из Рима; итальянским школам посылаются с родины национальные флаги; создана фашистская организация и т. д. Муссолини во время своего посещения Триполи весной 1926 г. торжественно принял делегацию итальянцев из Туниса, поцеловал принесенный ими национальный флаг и заявил, что «Италия помнит о судьбе своих сынов, находящихся за границей, и что итальянский народ не забудет о братьях, живущих в Тунисе». Итало Бальбо, один из ближайших соратников Муссолини и министр авиации, сопровождавший «вождя» в его поездке в Триполи, совершил на гидроплане полет в Тунис, где он прочитал несколько докладов в местных фашистских итальянских обществах. Все эти демонстрации, а также воинственные речи Муссолини о «морском будущем» Италии вызвали тогда значительное напряжение в отношениях между Италией и Францией, и последняя сочла нужным даже произвести некоторую переброску войск из Алжира в Тунис.

Следует однако заметить, что пропаганда фашистских эмиссаров, при всей ее настойчивости и несмотря на большие средства, которые на нее затрачиваются Римом, не встречает особенного сочувствия среди итальянского населения Туниса, состоящего в значительном большинстве из трудовых элементов. Наоборот, с установлением фашистского режима в Италии можно даже наблюдать некоторое ослабление связей тунисских итальянцев с родиной и увеличение числа переходящих во французское подданство. Это делает требования фашистского правительства в тунисском вопросе еще более настойчивыми и нервными.

Вся обстановка, в которой протекает итало-французский спор о Тунисе, отнюдь не позволяет рассчитывать на любовное разрешение его. Французское правительство твердо стоит на позиции приравнения итальянцев к другим иностранцам, проживающим в Тунисе. В качестве крайней уступки при переговорах Бомарше с Муссолини с французской стороны было выдвинуто предложение разрешить этот вопрос наподобие того, как это было сделано в 1923 г. в отношении британских (мальтийских) выходцев: дети последних, родившиеся в Тунисе, по достижении призывного возраста приобретают французское гражданство автоматически, если

только они не оптируют британского подданства. Но если последние продолжают жить в Тунисе, то их дети уже с самого рождения считаются французскими подданными. Если, по итальянским расчетам, к 1935 г. Тунис должен был стать итальянским, то, по французским планам, тунисские итальянцы в третьем поколении должны превратиться во французов.

Все эти расчеты и планы производятся однако без хозяина — туземного арабского населения, по отношению к которому итальянцы и французы, вместе взятые, составляют лишь незначительное меньшинство. По последней переписи арабское население Туниса составляет больше 1700 тыс. И недаром буржуазный публицист с горечью замечает, что «зрелище продолжительной борьбы между двумя европейскими правительствами отнюдь не способствует тому, чтобы примирить туземцев с необходимостью постепенного и законного развития»¹, т. е. подчинения колонизаторской эксплуатации европейцев.

Границы Ливии. Если спор об итальянцах в Тунисе давнишнего происхождения, то возникновение вопроса о южных границах Ливии (общее название обеих североафриканских колоний Италии — Триполитании и Киренайки, сейчас объединенных под властью одного губернатора) связано с последней империалистической войной. По Лондонскому договору 1915 г. союзники обещали Италии расширение ее колониальных владений в Африке за счет раздела германских колоний. Однако по окончании войны германские колонии были поделены без участия Италии. От Англии Италия получила в 1924 г. кое-какие поправки в виде Джубаленда, пограничного с итальянской Сомалией, и оазиса Джарабуб, на восточной границе Киренайки. Что касается Франции, то она оказалась значительно более скупой на компенсации обделенной «латинской сестре», которой уступила лишь два совершенно незначительных оазиса на западной границе Триполитании (Гадамес и Гат) и бесплодную пустынную область Феццан на юго-западной границе.

Требования Италии идут значительно дальше. Италия настаивает на предоставлении ей областей Эннеди, Тибести и Борку, примыкающих к южной границе Ливии. Своё требование итальянцы основывают на том, что эти области входили в состав Триполитании, когда последняя принадлежала Оттоманской империи. Во время переговоров с Бомарше

¹ Middleton, цит. соч., стр. 310.

Муссолини дал понять Франции, что удовлетворение этого требования является для Италии необходимым условием дальнейшего ведения переговоров по другим вопросам. Со своей стороны Франция оказывает упорное сопротивление домоганиям Рима. Удовлетворение итальянских требований связано для Франции с опасностью еще больше разжечь аппетиты итальянского империализма.

Цели итальянцев ясны и очевидны. Области, присоединения которых требует Италия, не представляют никакого интереса в смысле чисто хозяйственном. Но зато требуемое итальянцами «исправление границ» имело бы то последствие, что Триполитания непосредственно граничила бы с озером Чад, которое лежит на северо-восточной границе Камеруна, бывшей германской колонии, ныне находящейся под «мандатом» Франции. Общеизвестно, что итальянский империализм имеет виды на Камерун. Вот почему для Франции крайне нежелательно и чревато большими опасностями подпускать Италию так близко к своей «подмандатной» территории. С занятием Тибести и Борку Италия вклинилась бы весьма неудобным для Франции образом между двумя французскими колониями: французской Западной Африкой и французской Экваториальной Африкой.

При этих условиях неудивительно, что переговоры по этому вопросу между Муссолини и Бомарше в течение более двух лет благополучно пребывают на мертвой точке. Перспективы соглашения тем более сомнительны, чем резче и отчетливее вырисовываются контуры плана, преследуемого итальянским империализмом. Вот что пишет об этом хорошо осведомленный корреспондент «Кельнше Цейтунг» (от 29 июля 1929 г.): «Подобно тому как некогда германские колониальные политики мечтали о создании в будущем африканского пояса под властью Германии, итальянцы имеющие сейчас в виду образование «коридора», который бы вел от Сицилии через Средиземное море и по диагонали через африканский материк к южной части Атлантического океана».

Таким образом вопрос о границах Триполитании представляет собой известный шаг вперед в направлении углубления итало-французского соперничества. Политический характер итальянских притязаний отнюдь не располагает французов к уступкам в этой области.

Поведение Италии в последние годы, и особенно в 1929 г., красноречиво свидетельствует о том, что Муссолини твердо намеревается выдвинуть африканскую проблему на первый

план внешнеполитической программы фашистской Италии. Кроме чисто дипломатической активности, проводимой в Париже и Риме, кроме энергичной и непрекращающейся колониальной пропаганды в специальной и общей печати, Италия тратит крупные средства и несет немалые человеческие потери, осуществляя в течение ряда лет завоевание... своих собственных владений в Ливии. Дело в том, что Италия до настоящего времени не владела фактически теми областями, которые формально к ней отошли после войны 1911 г. с Турцией. Отчасти это объясняется чисто физическими условиями этих мест — безводных и бесплодных пустынь с редкими незначительными оазисами, по которым до недавнего времени можно было передвигаться только на верблюдах. Главная причина однако заключалась в том, что южная часть Ливии продолжала оставаться фактически под властью воинственных кочевых племен, которые никогда не признавали власти Италии, как впрочем они не признавали раньше и турецкого султана.

Чтобы требовать расширения границ Триполитании, итальянцы должны были сперва показать миру, что они фактически владеют ею в ее теперешних границах. Этим объясняется то упорство, с которым в течение 5—6 лет итальянские войска ведут борьбу с непокорными туземными племенами. О том, какими методами ведется эта борьба и как свирепо завоеватели расправляются с туземцами, можно судить по следующему воззванию, с которым маршал Бадольо обратился к населению перед началом военных действий: «Ответственность за эту войну ляжет не на меня, так как я еще недавно обратился к вам со словами мира. В этой войне я буду действовать наиболее могущественными методами и средствами так, чтобы память о ней осталась надолго. Ни один непокорный отныне не останется в мире. Ни семья его, ни стадо его, ни наследники его. Я все уиц что жу — лю де й и ве щ и. Да просветит вас господь и да внушит вам доброе решение. Я выполняю то, что я говорю. Это мое первое слово, но также и последнее».

Осуществление широкого плана военных операций в Триполитании и Киренаике ложится тяжелым бременем на колониальный бюджет Италии, который в прошлом (1929 г.) вырос на 840 млн. лир, не считая чрезвычайных расходов, размеры которых неизвестны. К этому надо прибавить, что непрекращающаяся со дня захвата Ливии война с туземными племенами, несмотря на огромное превосходство сил итальян-

цев, идет с весьма переменным успехом. Если в приморской полосе итальянские войска являются хозяевами положения, то по мере продвижения в глубь африканского материка, при крайней трудности поддержания коммуникаций и исключительной сложности задачи снабжения продовольствием, водой, амуницией и пр., положение итальянских войск становится весьма затруднительным. Недавно (в середине января 1930 г.) газеты сообщали о крупном поражении итальянских войск в Фешане. Это не помешает конечно Италии продолжать свою работу по «замирению» южной Ливии, чтобы показать Франции, какое огромное значение придает фашистская Италия росту и укреплению своих позиций в Африке. В тот день, когда итальянские войска, потопив в крови сопротивление туземных племен, утверждают реальное господство Италии во всей Ливии в ее нынешних границах, следует ожидать, что фашистский империализм еще с большей настойчивостью заявит свои требования на Тибести и Борку. Спор с южной границе Ливии может в ближайшее время вступить в весьма острую фазу. Опыт переговоров в Риме и Париже свидетельствует об отсутствии перспективы соглашения по этому вопросу.

Во всяком случае для ближайшего времени южноливийский вопрос является крупнейшим препятствием к достижению того широкого, всеобъемлющего итало-французского соглашения, о котором столько говорилось на протяжении 1928—1929 гг.

Балканский вопрос. Об итало-французском соперничестве на Балканах мы уже говорили выше. Здесь мы лишь вкратце остановимся на важнейших фактах итало-французской борьбы на Балканах за последний год.

Итальянской политике окружения Югославии Франция противопоставляет политику, сформулированную в лозунге: «Балканы — для балканских народов» (*Les Balkans aux Balkaniques*). Практический смысл этого красиво звучащего лозунга означает борьбу с проникновением Италии в Албанию, с превращением этой последней в итальянскую колонию и вообще борьбу с итальянским влиянием на Балканах. Другими словами, все сводится к тому, чтобы роль гегемона на Балканах предоставить не Италии, а Югославии, т. е. в конечном счете Франции.

Франции удалось в течение 1928—1929 гг. несколько поколебать влияние Италии на Балканах и компенсировать себя таким образом за ту терпимость, с которой она раньше вы-

нуждена была отнестись к фактическому захвату Италией Албании.

Последовавший в январе 1929 г. военный переворот в Югославии, отдавший всю власть в стране в руки короля Александра, или, вернее, окружающей его военно-придворной клики, был весьма неприятным сюрпризом для фашистских политиков. Последние были поставлены перед фактом этого «переворота сверху» в тем более затруднительное положение, что с точки зрения фашистской идеологии этот переворот, уничтоживший в Югославии всякие остатки демократии и установивший там режим жестокой военной диктатуры, должен был бы ими приветствоваться. Для Муссолини однако была слишком очевидна «организаторская» роль республиканской Франции в югославском *coup d'état* для того, чтобы предаваться радостным излияниям по поводу новой победы фашистской «идеи» в непосредственном соседстве с Италией. С другой стороны, приход к власти сербской военщины означает усиление антиитальянской активности Югославии. Неудивительно поэтому, что торжество военной диктатуры в Югославии встретило в фашистской итальянской прессе весьма хмурый прием.

В 1928—1929 гг. Франции удалось временно ослабить итальянское влияние на Балканах. В Турции, испытывавшей острые финансовые трудности, можно было в этот период наблюдать известное разочарование в отношении Италии — поездка бывшего итальянского министра финансов Вольпи в Ангору с проектом крупного займа не дала никаких результатов. Самый тяжелый удар итальянскому влиянию заключался в крупном повороте, который произвела Болгария, «изменив» традиционной дружбе с Италией, с целью добиться от Франции согласия на смягчение болгарских репарационных обязательств.

Но уже в 1930 г. Италия восстанавливает полностью утраченные было позиции. Дружба с Болгарией восстанавливается и даже скрепляется женитьбой короля Бориса на итальянской принцессе, дочери Виктора Эммануила III. Отношения с Турцией тоже значительно улучшились. Заключение греко-турецкого соглашения 1930 г. при посредничестве Италии представляет определенную дипломатическую победу последней.

Проблема морского паритета. В конце 1929 и начале 1930 г. в центре итало-французских взаимоотношений был вопрос об отношении обоих государств к проблеме

ограничения морских вооружений в связи с открывшейся 21 января 1930 г. конференцией пяти держав (САСШ, Англия, Япония, Франция и Италия). Сначала казалось, что на этой конференции «латинские сестры» выступают солидарно против англо-саксонского морского владычества. Как известно, между САСШ и Англией было достигнуто соглашение по вопросу о подводных лодках. Обе великие державы высказываются за запрещение подводных лодок, которые лишь подрывают значение линейных кораблей и крейсеров, составляющих основу морской мощи Англии и Америки. Франция и Италия, не будучи в состоянии состязаться с Англией и САСШ в постройке броненосцев и крейсеров, отстаивают свое право вознаграждать себя за это увеличением своего более мелкого флота и в особенности подводных лодок. Со стороны Италии в ноябре 1930 г. было выдвинуто предложение соглашения с Францией по морскому вопросу, которое дало бы возможность выступить на конференции единым фронтом против англосаксов. Но сразу же пришлось убедиться в совершенной безнадежности этой попытки. По формуле Муссолини Италия согласна разоружаться как на суше, так и на море, при условии сохранения таких вооруженных сил, которые были бы не меньше вооруженных сил любой континентальной европейской державы, т. е. Франции. Для французов, вооруженные силы которых примерно вдвое больше итальянских, такая постановка вопроса была совершенно неприемлема. Франция с самого начала дала понять, что она не согласна на распространение принципа равенства сил Франции и Италии, принятого на Вашингтонской конференции 1921 г. в отношении линейных кораблей, на другие категории военных судов. На этой почве разгорелась жаркая полемика между французской и итальянской прессой. Французская сторона доказывала невозможность для Франции идти на равенство с Италией, исходя из того, что Франция должна думать о защите против двух держав, а именно против Германии и Италии, морские силы которых постоянно растут. Во-вторых, французы указывают на то, что Франция должна быть защищена как со стороны Средиземного моря, так и со стороны Атлантического океана, тогда как Италия омывается лишь Средиземным морем. Наконец Франция нуждается в достаточно сильном флоте, который бы обеспечивал в случае войны связь с огромными колониальными владениями ее в Африке и давал бы возможность беспрепятственно перебрасывать в Европу из Африки «черные» войска.

Итальянская пресса считает эти аргументы совершенно несерьезными. В случае войны между Францией и Италией колонии Франции достаточно защищены, по мнению итальянских газет, находящимися там колониальными войсками, к услугам которых имеется разветвленная железнодорожная сеть. Но так как вероятнее всего, что такая война невозможна будет без вмешательства Англии, то Франция все равно будет либо недостаточно защищена, если ей придется выступать против Англии, или чрезмерно вооружена, если Англия будет на стороне Франции. Вот для Италии, по мнению фашистской прессы, свобода Средиземного моря есть вопрос жизни или смерти, так как две трети итальянского ввоза в том числе и предметы продовольствия, доставляются морем. Поэтому Италия должна обладать в Средиземном море более сильным флотом, чем Франция.

Суть дела однако не в этой более или менее остроумной аргументации. Суть дела заключается в том, что обе стороны отдают себе отчет в неизбежности военного конфликта и стремятся к тому моменту обеспечить себе возможно более сильный ударный кулак.

Независимо от этой дискуссии, Италия и Франция занимали одинаковую позицию в вопросе о подводных лодках, высказываясь против англо-американского предложения об их уничтожении. В обоснование этой позиции приводилось то соображение, что подводная лодка служит больше для защиты, чем для нападения. Для экономически более слабых стран подводные лодки благодаря их сравнительной дешевизне являются наиболее доступным видом морских вооружений.

Но в дальнейшем итало-французский единый фронт и в этом специальном вопросе потерпел крушение. Совершенно неожиданно во всех больших итальянских газетах появились статьи, содержащие радикальную ревизию прежней итальянской точки зрения в вопросе о подводных лодках. Вот что пишет по этому поводу «Коррьере делла Сера» (24 ноября 1929 г.):

«Во время последней войны подводная лодка была орудием морской блокады по преимуществу, и эту роль она еще в большей степени способна выполнить в будущем. Так как, с одной стороны, Италия по своему географическому положению скорее может быть объектом, чем субъектом блокады, так как, с другой стороны, Америка ставит на конференции вопрос об ограничении права блокады и нераспространении его на суда, груженные продовольствием, то отпадает в значительной мере практическое значение подводной лодки вообще и в частности

для Италии». Указав на неправильность утверждения об оборонительном характере подводной лодки, так как всякое боевое средство может быть одинаково использовано и для обороны и для нападения, газета замечает, что подводная лодка могла бы для Италии сыграть большую роль в случае войны с морскими гигантами, как Америка или Англия. Но такая война совершенно невероятна. В случае же войны с Францией, а эту эвентуальность автор явно считает вполне вероятной, подводные лодки не смогут играть решающей роли. Благодаря своей дешевизне подводные лодки доступны и для всех второстепенных средиземноморских государств, что включает в себе лишнее осложнение или даже прямую опасность для Италии. (Недавнее прибытие в югославский порт Шибеник двух подводных лодок, заказанных сербами во Франции, красноречиво иллюстрирует этот намек автора статьи). «Средиземное море, освобожденное от всяких подводных лодок, представляет для нас во всяком случае значительно более предпочтительное поле борьбы».

Развитие итало-французских отношений за последние два года проходило несколько этапов, содержание которых тесно связано с общим развитием мировых противоречий империализма. В начале 1928 г. Италия идет на переговоры с Францией и заявляет о готовности к широкому урегулированию всех спорных вопросов, которое создало бы почву для заключения всеобъемлющего соглашения и договора о «дружбе». В процессе переговоров однако вскоре выясняется, что программа требований, выдвинутых Италией с расчетом на поддержку английской дипломатией, совершенно неприемлема для Франции, которая отнюдь не склонна к уступкам «латинской сестре». Крутой перелом наступает весной и летом 1928 г. Англо-французский морской компромисс дает Италии остро почувствовать свою изолированность. Муссолини должен был лишиться раз убедиться, что италофильская политика Лондона имеет ограниченное значение, и что важнейшие задачи мировой политики британского империализма вынуждают современную Англию высоко ценить «дружбу» с Францией. До мировой войны 1914 г. традиционная политика Англии заключалась, как известно, в том, чтобы не допускать образования на европейском континенте державы достаточно сильной, чтобы стать гегемоном Европы. Исходя из этого, Англия во второй половине XIX в. поддерживает Германию против Франции, которая тогда была опасным соперником в Африке. С начала XX в. Англия ведет политику создания европейского блока,

возглавляемого англо-французской «сердечной Антантой», против быстро растущей Германии. Политика полнейшей Италии против Франции в годы после войны — 1914—1919 — идет все еще в русле этой старой традиционной европейской политики Великобритании. Но эта политика уже не отвечает новому положению вещей, созданному стремительным ростом и обострением мировых противоречий империализма. С каждым днем для Англии все более и более выступает на первый план как основная жизненная проблема Британской империи, угрожаемой со всех сторон колоссально выросшим империализмом САСШ, проблема подготовки к войне с Америкой. Трезвые дельцы британского крупного капитала, типа Черчилля и Биркенхеда, не дают себя одурманить тем пацифистским навозом, при помощи которого их «социалистическая» агентура усыпляет внимание масс и скрывает от них активную работу, которая производится для подготовки новой мировой войны. Для английских империалистов вопрос стоит ясно и просто: надо готовиться нанести Америке сокрушительный удар, который на многие годы задержал бы ее дальнейшее развитие, подобно тому, как это было проделано с Германией, чтобы самим не получить такого удара от быстро растущего империализма САСШ. Для этой борьбы недостаточно одних лишь британских броненосцев и пушек. Необходимо готовить и союзников, чтобы обеспечить себе европейский тыл и вступить в войну с решающим перевесом сил. Вот почему предусмотрительное консервативное правительство весной 1928 г. берет решительный курс на сближение с Францией, на восстановление «сердечного согласия». Но так как и Франции необходимо обеспечить свой тыл, то принимаются меры к тому, чтобы привлечь и Италию в антиамериканский блок. Естественно, что Италии такая «близость» мало улыбалась, так как она неизбежно была бы связана с отказом от программы-максимум итальянского империализма, осуществление которой возможно лишь за счет «латинской сестры».

Поэтому приход к власти в Англии «рабочего» правительства был встречен итальянской прессой с полным спокойствием, несмотря на вражду, которую фашисты исповедуют ко всяким «социалистическим» партиям. В Италии рассчитывали на то, что «рабочее» правительство, пришедшее к власти под лозунгом «пацифизма», откажется от политики «сердечной Антанты», как неизбежно велит к обострению отношений с Америкой. Правда, на первых порах кабинет Макдональда принес фашистскому правительству горькое разочар-

вание. «Неуклюжее» выступление Сноудена на I Гаагской конференции, посвященной плану Юнга, когда сей желчный британский канцлер казначейства, отстаивая интересы лондонского Сити и желая в то же время щегольнуть «демократической» фразой, заявил, в обоснование своего требования об увеличении английской доли в германских репарациях за счет Италии и Франции, что тут «левоористская Англия противопоставит фашистской Италии», вызвало бешеную кампанию итальянской печати. Обрушиваясь со всей силой на правительство Макдональда, итальянская пресса в то же время с нескрываемой радостью отмечала, что выступления Сноудена в Гааге, направленные как против Италии, так и против Франции, означают по сути дела крах «сердечного согласия». При этом фашистская пресса особенно подчеркивала проявившуюся на Гаагской конференции «солидарность» континентальных держав, особенно Италии и Франции. Как заявила одна из итальянских газет, «давно уже обе великие латинские нации не были близки так друг к другу и так сердечно объединены для защиты своих интересов», т. е. для того, чтобы вырвать для себя возможно большую часть германской репарационной дани. Развивая эту тему, итальянская печать, с отличающей ее легкостью сменила по отношению к Франции гнев на милость. Внезапно Италия ощутила очередной приступ нежности к латинской сестре и со столбцов фашистской прессы зазвучали все более и более решительные и настойчивые призывы к Франции объединиться против англо-саксонского общего врага, закрепить и расширить те узы солидарности, которые проявились на Гаагской конференции по вопросу о плане Юнга. «Коррьере делла Сера» в начале сентября 1929 г. спрашивает: «Поймет ли наконец Франция, что, находясь между враждебной Германией и коварной Англией, она всячески заинтересована в лояльной дружбе Италии?» Другая газета, «Стампа», развивая эту же тему, выдвигает проект итало-французской «Антанты», к которой должны присоединиться Испания и страны Восточной и Центральной Европы, что образует «неотразимый блок».

Нельзя не отметить, что с французской стороны в ответ на эти экспансивные излияния фашистской печати на тему о латинском и континентальном блоке была проявлена гораздо большая умеренность. Правда, связанная с французскими политическими кругами бельгийская газета «Вентьем Съекль» выдвинула план создания федерации между Францией, Бельгией и Италией. По словам газеты «эти три страны, обладаю-

щие в Африке огромными территориями, могли бы составить прекрасный противовес англо-американской Антанте. Польша и страны Малой Антанты с энтузиазмом поддержат эту группировку». Газета выражала убеждение, что Англия «образумится», когда очутится перед лицом такого объединения.

Собственно, вот эта последняя мысль, откровенно сформулированная брюссельской газетой, и выразила всю сущность шумной кампании, поднятой вокруг плана «континентального блока». Вся эта кампания была использована французской дипломатией для того, чтобы произвести определенное давление на политику «рабочего» правительства и пошантажировать Лондон угрозой полной изоляции Англии в Европе. На колеблющихся, нерешительных лейбористских политиков этот маневр произвел известное впечатление. Макдональд, начавший свою правительственную деятельность с демонстративного подчеркивания своей ориентации на сближение с САСШ (поездка в Америку на поклон к Гуверу), испугался, что чересчур решительный пересмотр политики консервативного правительства приведет к другой крайности, к обострению отношений с бывшими европейскими союзниками, и к созданию сильной антибританской коалиции на континенте Европы. С другой стороны, за время своего пребывания в Америке Макдональд должен был значительно разочароваться в возможности радикального смягчения англо-американского антагонизма. Соответственно этому «рабочее» правительство делает опять некоторый поворот «лицом к Европе», т. е. к Франции. На II Гаагской конференции, в январе 1930 г., Англия и Франция вступают единым фронтом против Германии.

Еще более яркое проявление этой англо-французской «солидарности» можно было наблюдать в конце 1930 г., на последней сессии Женевской подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Английский делегат лорд Сесиль, полностью поддерживал в комиссии французскую тезу, сводящуюся к вящему укреплению военно-политического преобладания Франции на европейском континенте.

Таким образом выпала почва из-под здания «итало-французской антанты», о которой писала «Стампа» в период «первой Гааги», и краткий рецидив «латинской солидарности» сменился еще большим обострением итало-французских противоречий, отразившихся в вопросах «разоружения», пан-Европы, ревизии договоров и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г. и переросший в подлинный кризис капитализма, не мог не отразиться и на внешней политике Италии.

Общее обострение внутренних противоречий империализма нашло особенно отчетливое выражение в резком обострении итало-французского антагонизма.

В 1930 г. переговоры между Муссолини и Бомарше прекращены ввиду их явной бесплодности. Полемика между итальянской и французской прессой становится перманентной и приобретает весьма острый и напряженный характер.

Особенно сильное впечатление произвел факт выступления Муссолини в конце 1930 г. с лозунгом: «Ревизии трактатов», т. е. пересмотра всей Версальской европейской системы. В речи, произнесенной в весьма торжественных условиях 28 октября 1930 г. в восьмую годовщину фашистского переворота, Муссолини с большой решительностью высказался за пересмотр Версальского договора. Он подчеркнул, что только путем пересмотра договоров можно, по его мнению, обеспечить мир в Европе и устранить напряженность, существующую в настоящее время в Европе, неизбежно ведущую к новой войне.

Совершенно отчетливо высказавшись за пересмотр репарационных обязательств Германии, Муссолини этим самым бросил вызов Франции и ясно показал, что программа его внешней политике заключается в сближении всех стран, которые недовольны французской гегемонией, построенной на базе Версальского договора.

Вместе с тем, требуя пересмотра договоров, Италия имеет в виду также пересмотр их в части, касающейся территориальных мандатов, т. е. раздела колоний.

И эта сторона вопроса встречает крайне враждебную оценку во Франции, которая вообще, как мы уже указывали, с большой опаской относится к усилению колониальных позиций Италии, опасаясь того, что «аппетит приходит во время еды». С другой стороны, Франция отдаст себе отчет в том, что

новый передел бывших германских колоний в пользу Италии мог бы быть произведен лишь за ее счет.

Тот факт, что Италия сделала лозунг пересмотра договоров как бы стержнем своей внешней политики, значительно содействовал увеличению международно-политического престижа Италии в Европе, где все более болезненно ощущается влияние беспокойной, авантюристической и грубо агрессивной политики французского империализма. Именно этим и объясняются последние успехи итальянской дипломатии на Балканах.

Что касается Германии, то там можно отметить двоякого рода отношения к Италии. Националистические элементы сочувственно реагируют на выступления Муссолини и являются сторонниками более тесного сотрудничества с Италией. Однако со стороны германского правительства наблюдается известная сдержанность в этом вопросе. Эта сдержанность вытекает из некоторого недоверия к искренности и последовательности той резко-антифранцузской установки, которая взята Италией в последнее время. В Германии высказываются опасения, что это лишь один из обычных загагов итальянской политики, и что в действительности Италия пойдет на компромисс с Францией и сейчас лишь залугивает последнюю, чтобы выторговать более выгодные условия соглашения.

За последнее время итало-французский антагонизм неизменно выявляется всякий раз, когда в порядок дня ставится какой-либо крупный международный вопрос. В вопросах разоружения Италия неизменно выступает против Франции. Требование Италии равных военно-морских сил с Францией является теперь центральной проблемой итало-французских отношений, вокруг которой как бы группируются все остальные спорные вопросы. Претендуя на равенство с Францией, Италия этим устанавливает меру своих требований по отношению к «латинской сестре».

В связи с бриановским предложением образования «пан-европейской федерации», Италия также заняла антифранцузскую позицию. Она выдвинула неприятное для Франции требование привлечения к предварительным международным переговорам двух государств, не входящих в состав Лиги наций, а именно — СССР и Турции.

Итало-французскому антагонизму суждено в ближайший исторический период доставить не мало хлопот буржуазным политикам и сыграть весьма важную роль в общей системе противоречий современного империализма.

ЧИТАЙТЕ и ВЫПИСЫВАЙТЕ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЗА РАБОТОЙ

VII ГОД ИЗДАНИЯ
ОТВ. РЕДАКТОР
Х. Н. КАНТОР

44
12856
44

Журнал дает систематизированные сведения о политической и хозяйственной жизни СССР и капиталистических стран и тем облегчает проработку этих вопросов всем партийцам, хозяйственникам, комсомольцам, рабочим и т. д.

В 1931 г. „За работой“ выходит по той же программе и в составе тех же отделов, что и в 1930 г. Особое внимание обращено на еще большую систематизацию материала, полноту и своевременность освещения важнейших вопросов.

В каждом отделе—обзорные и итоговые статьи за истекший период по следующим вопросам: 1) Партстроительство и советское строительство, 2) Мировое хозяйство, 3) Коминтерн, 4) Военное дело и оборона СССР, 5) Кооперация в СССР и за границей, 6) Международная политика, 7) Народное хозяйство, 8) Профдвижение в СССР и Профинтерн, 9) Печать и библиография.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—5 р. 50 к.; на 6 мес.—2 р. 75 к.; на 3 мес.—1 р. 40 к.; отд. номер—50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Книгоцентра—Москва, Центр, Ильинка, 3,—всеми магазинами и отделениями Книгоцентра ОГИЗа, всюду на почте и письмоносцами. По Москве подписка принимается МООГИЗ, Неглинный проезд, 9.

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ